

INSPIRIA

ВЕРОЯТНО, РАДЬЯВОМ

18+

АСТАШОВА
СОФЬЯ

INSPIRIA

Loft. Автофикшн

Софья Асташова

Вероятно, дьявол

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Асташова С.

Вероятно, дьявол / С. Асташова — «Эксмо», 2023 — (Loft. Автофикшн)

ISBN 978-5-04-190753-2

Возможно ли самой потушить пожары в голове? Соне двадцать один, она живет одна в маленькой комнате в московской коммуналке. Хотя она замкнутая и необщительная, относится к себе с иронией. Поступив в школу литературного мастерства, она сближается с профессором, и ее жизнь превращается в череду смазанных, мрачных событий. Как выбраться из травмирующих отношений и найти путь к себе? Это история об эмоциональной зависимости, тревогах и саморазрушении. Что движет героиней, заставляя стереть свою личность? Вероятно, дьявол. «Вероятно, дьявол» – дебютный роман-автофикшн Софьи Асташовой, выпускницы курсов CWS (Creative writing school) и WLAG (Write like a girl). «Физиологический и оттого не очень приятный текст о насилии – эмоциональной ловушке, в которую легко попасть, когда тебе двадцать, и ты думаешь о любви, как о вещи, которую нужно заслужить, вымолить и выстрадать. Текст, в котором нет счастья и выхода, и оттого в нем душно – хочется разбить окно и попросить героиню подышать как можно чаще, а потом ноги в руки и бежать. Прочтите и никогда не падайте в эту пропасть». – Ксения Буржская, писательница.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190753-2

© Асташова С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог. Сад	7
Глава 1. Замухрышка	10
Глава 2. Рыбки	13
Глава 3. Безумный дневник	33
Глава 4. Земляничная поляна	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Софья Асташова

Вероятно, дьявол

Still, I've heard it said that all stories are basically love stories, and my story is no exception. This is a love story, too. And, like a lot of love stories, it doesn't have a happy ending.

O. J. Simpson. If I Did It: Confessions of the Killer¹

© Асташова С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог. Сад

– Нет, фантазёрка ты, Соня! Не говори глупостей! – он говорит, а голова неестественно вращается на собственной оси, как шестёренки заведённых часов.

– Нет, правда, всё время о вас думаю! – я не иду, выпрыгиваю, как тихоокеанский лосось, способный во время нереста достигать высоты до четырёх метров и выше, отчего семейство рыб так и названо «прыгунами».

– Не ври! – глазки-стрелки на пятнадцать часов.

– Не врю! – прыг и смех.

Он всегда повторял это «Не ври!». А я всегда не врала. Ему никогда не врала.

Пару раз отлучался. Один раз пописать – бросал меня посреди одинокого острова на асфальте, а сам скрывался в тёмном переулке меж низких домов.

– Ой, вы куда? – я щедро, как часто прежде, хохочу.

Возвращается и роскошно извиняется, называя меня, как никогда раньше, по имени-отчеству.

– Ничего, вы же мальчик, – вычерчиваю носком туфли на асфальте, как на географической карте, территорию распространения верблюдов.

– А что, девочки не писают?

Писают ещё как! От страха писают в трусики. Так я его боялась – горячим страхом, от которого моментально становилось холодно и чесалось.

Другой раз отлучился ответить на назойливый беззвучный звонок.

– Закрой уши.

Я, как послушная обезьянка, безропотно подчиняюсь. Телефон красиво ложится в его ладонь, а у тени на асфальте образуется горб. Позвоночник у верблюдов прямой, несмотря на наличие горбов.

До этого мы не виделись где-то около года, может, чуть меньше или чуть больше. Наши встречи после того летнего вечера на веранде ресторана «Дача» я могла пересчитать по пальцам. Это мало. Но для меня – много. Я так его боялась, что даже одного свидания было для меня много, ведь он и так всё время был у меня в голове. И я никогда ему не врала.

Конечно, врала, если считать враньём стремление всем своим существом угадать, что он хочет услышать. Я только этим и занималась – угадывала. Сколько воды может выпить верблюд? До 200 литров за раз.

– Не верю! – глаза вращаются в глазницах, как заведённые. Я слышу движение с высокой башни старых часов.

– Конечно, правда, ведь прошло совсем немного времени. Год или два.

Часовой механизм останавливается. Задумывается. Взвешивает время на весах вечности.

Мы проводили вечер в ресторане «Дача» после ночи на даче. Все началось в ресторане «Дача». Всё закончилось в ресторане «Дача». Как бы закончилось, но не закончилось. Я осталась заядлой дачницей – взращивала сад, который он во мне создал. Сначала сжёг напропалую все сорняки, которые там росли, превратил в золу. А потом совершил чудо – разбросал тут и там фруктовые деревья и дикий пронзительно-кислый виноград. Чёрную смородину и крыжовник. Карликовую вишню и фиолетовый базилик. Тыковку и грецкий орех. Клубнику и малиновый куст. Зрелые ягоды падали с веток и гнили. Плакал грустный жасмин.

Раз в год мы гуляли по саду, как Данте и Беатриче. Он, как раньше, как многих девушек, отмеченных печатью избранности или попросту попавших под руку, называл меня Мусей, Мусечкой. Упрямо тянул:

– Мусь, ну Мусь, ну что?

Я мычала в ответ.

– Удивительно, Соня, каждый раз с тобой я чувствую себя, так сказать, странно...

– Как в саду?

– Да! Как взрослый в детском саду.

– И я себя чувствую, как в детском саду, а вы – взрослый, который меня забирает.

Забрал он меня не из сада, но из Школы, прямо с занятий. Приходилось прогуливать.

– Там ничего интересного, какая-то скучная лекция.

Я заговорщически перемигиваюсь на пороге альма-матер с заинтересованным охранником, носившим замечательное немецкое имя Рудольф и седые курчавые брови.

Как радостно вывалиться в дождливый полдень и скакать галопом по лужам вокруг Мастера! На мне, по парижской моде, чёрный плащ, подпоясанный красным ремнём, и берет цвета бургундского. Придумываю стишок:

Mon cher petit papa²
Хочу бургундского вина!

Mon cher petit papa звонко прихлопывает меня ладонью по голове, как мячик.

– Соня, не стыди меня!

Ждём поезд на платформе метро. Сжимаю его руку и незаметно оглядываюсь – нет ли поблизости ещё прогульщиков. В другой руке держу розовый квадратный портфель с тетрадиками.

– Что же ты обо мне думаешь? – тик-так, снова металлический звук точных механизмов.

– Думаю, что вы – волшебник! А ещё – Мастер, часовщик, а я – механическая кукла, которая вдруг заговорила.

Смеётся – в это он верит. Сам говорил:

– Я – волшебник. Превращу тебя в лягушку, если будешь говорить глупости.

– Я не буду, не буду! – я не буду.

– Не веришь? А я так уже превратил пару девочек, говоривших глупости, – выпученные глаза заискрились.

Волшебник. Колдун на сельской свадьбе.

Я, конечно, верила. Он мог устроить что и похуже. Его сад был заселён лягушками. Мой сад был заселён лягушками. Сколько раз я слышала, как он говорил другим неопытным девочкам то же самое на той же даче: «Превращу тебя в лягушку!» Он всегда говорил одно и то же, а потом забывал, и опять говорил теми же словами, но уже другим людям. Я таяла, подмечая и запоминая его слова. Мне нравилась эта жестокая игра: я – дипломат, миротворец. Утираю слёзы и приказываю молчать малышам, в первый раз оказавшимся на подмосковном пляже, изначально предназначенном для дипломатической элиты и зарубежных гостей. Кстати, на нём же Светлана Светличная – любимая актриса Мастера – позировала в бикини для фотографов немецкого журнала «Штерн».

– Тоже ты придумала – волшебник! Неоригинально.

Механизм в голове отсчитывает секунды в такт экрану с электронными часами над чёрной дырой туннеля.

– Ну и что, что волшебник? Что ещё ты обо мне думаешь? – я уже слышу нотки раздражения в его голосе.

На этот вопрос трудно угодить с ответом. Мозг отключается, нужно быть готовой – придумать что-нибудь эдакое заранее. У меня было несколько заготовок:

Думаю о том, как сделать вам приятно.
Думаю, чем вас удивить.

---

² Мой дорогой папочка (*фр.*).

Думаю, как вам благодарна.
Думаю, как мне хорошо с вами.
Думаю о том, как вы ходите.

Выбираю последний:

- Думаю о том, как вы ходите.
- И как же я хожу? – лягушачий рот растягивается в удивлении.
- Так красиво... Величественно, как рок-звезда! – смотрю снизу вверх и, довольная, упи-
ваюсь своей находчивостью.

На груди он носил две звезды. Одна – маленькая на тонкой цепочке. Другая – большая и тяжёлая, грубо отлитая из серого металла. Эта, большая, звонко и ритмично стучала мне по зубам.

– Глупая ты, Соня, фантазёрка!

Глава 1. Замухрышка

На полу валяется забытая пустая коробка из-под затёртой кассеты с печатью видеопроката. Киноплёнка про мужчину и женщину в удаляющемся по маршруту троллейбусе. Он купил ей билет, спас от злобной кондукторши, а она одарила его взглядом из рая. Их история закончится плохо. А наша?

О том, что ответы нужно придумывать заранее, я узнала почти сразу. Он задаёт вопросы и ждёт: «О чём ты думаешь? Что ты хочешь?» Вопросы вроде самые простые и одновременно – самые сложные. Не дай бог ответить «Не знаю»! Сатанеет. Звереет. Ненавидит.

– Если ты не знаешь, чего хочешь, значит, не хочешь быть со мной.

– Хочешь, чтобы я тебя трахнул? Как банально, но большего я от тебя и не ожидал. Если хочешь, чтобы тебя кто-то трахнул, выйди на дорогу, останови тачку, там какой-нибудь пацанчик тебя трахнет.

А он не для этого. Он – бог секса. Самый изощрённый, самый что ни на есть опытный, самый трепетный и самый требовательный – самый лучший. Ну а ты кто? Ты никто, серая мышь. Замухрышка.

– Соня, ну чего ты такая замухрышка?

Самым настоящим счастьем было слышать, как он называет меня по имени. Но это не тот случай, когда можно, вздохнув как старый верблюд, отмолчаться. Нужно отвечать, и хорошо бы иметь ответ наготове, но в этот раз я и рта открыть не успела.

– А может, она лесбиянка? – спросил любимый ученик и помощник Профессора – Боря, а для нас – Борис Дмитриевич. Он мог говорить и делать всё, что вздумается.

Я улыбалась. Вот-вот начнётся веселье – разговор двух неотразимых мужчин. Мне можно просто молчать. Профессор заинтересованно развернулся к молодому коллеге, закинув руку на спинку дивана, и с удовольствием растянул улыбку:

– Да нет, не лесбиянка.

Борис в свойственной ему манере выпендриваться, как пятилетний Моцарт, боролся до конца:

– А ты откуда знаешь?

Он был единственным среди нас, кто мог позволить себе с досадой в голосе обращаться к Профессору на «ты».

– А тебе всё скажи! – Мастер потянулся к холодному пиву, а я едва не рассмеялась от облегчения.

Пока они беседовали, тихая официантка с лжевьетнамским лицом поставила на стол три бокала пива по акции – три по цене двух. Угадайте, кто берёт два? Ему весело. Он прекрасен. Лысый довольный божок.

Вы бы обиделись? Я почему-то обижалась только на Борю. Лесбиянкой я не была, а вот замухрышкой – вполне. На курсе по зарубежной литературе мы проходили «Божественную комедию» Данте. Профессор предложил написать сочинение на тему «Любовь Данте к Беатриче Портинари».

– Представьте женщину, похожую на Беатриче, сейчас, в наше время? Как она выглядит?

Я представила – ни больше ни меньше – себя и написала: «Она была хороша удивительной старинной красотой – такие лица встречаются на иконах и картинах старых мастеров. Только поэту дано постичь её красоту:

Надмение и гнев пред нею тает.

О донны, кто её не восхвалит?»³

Я была посредственностью с амбициями провинциалки, пока не встретила бога секса, пока он не открыл мне глаза на борьбу периферии и центра.

– Ты не секси. Значит – замухрышка.

На втором уроке мы выучили – девушки делятся на секси, замухрышек и лесбиянок.

После семинаров по средам мы ходили во вьетнамское кафе. Не помню, как оно называлось. Просто «Вьетнам». Я дала название месту, которое хотела присвоить. «Вьетнам» был только моим, с мятно-зелёными стенами и туалетом, спрятанным за пёстрой шторкой. А за окном всегда рано темнело. Я не смотрела в окно, просто знала, что там темно. Как говорил Мастер: «Уют – это всегда усилие». Под тёплым светом лампы мне было уютно, как тасманскому дьяволу в саванне близ пастбищ острова Маккуори. В кафе приходило много посетителей, но никто не оставался так долго, как мы. А я до сих пор сижу там и веду счёт наших встреч, чтобы пальцев на руках не хватило, чтобы знать, что причастна. Я придумала, как мне казалось, хитрость – ходила не только со своим курсом, но и с младшим – по средам и вторникам. Смешная хитрость идущих на смерть. *Ave, Caesar, morituri te salutant*⁴.

Деревянная вешалка на фигурных ножках ломилась под весом наших одежек. Похожая на взрослую пальму, она таила угрозу, от которой режет глаза, как от солнца. Ты не выберешься, даже не думай, не сбежишь – не пытайся. Мы уйдём только вместе. Моё пальто погребено глубоко под ворохом чужой одежды. Конечно, можно сбежать без него, но кому такое придёт в голову? Пока куртка Профессора висит на самом верху, как призовой орех, никуда ты не денешься. Мы все здесь, чтобы его развлекать. А если всё-таки в отчаянном порыве ты осмелился и изловчился, извлёк пальто, пока за столом велась оживлённая беседа, Профессор беззаботно смеялся и казалось, будто ему всё равно, что за мышшь копошится в тряпках. Ты откашлялся, чтобы деликатно попрощаться, не привлекая особого внимания.

– Куда это мы собрались?

– Простите, мне надо... – говоришь ты настолько тихо, как только можно произнести эти слова.

– Что ты там мямлишь? Садись. Ну посиди ещё немного, мы тоже скоро пойдём.

И ты сидишь в пальто, потеешь на краешке дивана, не решаясь двинуться ни туда, ни обратно. Но, к счастью, до этого ещё далеко – мы ещё в пути. Около шести заканчивается семинар, а на самом деле – когда Профессор проголодается. Он раньше всех покидает здание Школы, пока мы пробиваем пропуска на охране и проходим через турникет.

– До свидания, Рудольф Рамазанович! – я любовно прощаюсь с охранником, две буквы «р» в имени которого роднят его с Профессором.

– Никого не ждём – дорогу все знают, – бросает Профессор.

Он не любит ждать, не ждёт зелёного сигнала на светофоре – перед ним уже маячат зелёным стены «Вьетнама».

Когда мы заходим в кафе, никто не садится. Детки переминаются с ноги на ногу, шарят по карманам, извлекая, как взрослые, телефоны и кошельки. Возле стола мешается толпа, пока кто-то не выдерживает напора нелепости и не забирается в угол к окну. И вот мы уже все сидим, листаем меню – нет, не листаем, меню – одна заламинированная бумажка с курсивом – тонким и курчавым, как усы ещё не завязавшегося гороха, обещающего налиться белком и крахмалом, стать хрустящим стручком.

Текст без отступов обтекает прямоугольники фотографий блюд – им тесно, и мне тесно между людьми, которых я вроде знаю и не знаю. Вот они, мои одноклассники, сидят, и круглые

³ «В своих очах Любовь она хранит...» – Д. Алигьери. Перевод А. Эфроса, М. Лозинского.

⁴ «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (*лат.*).

головы на фоне салатových стен снова вызывают ассоциации со стручками и горошинами. Слева от меня, справа от меня смотрят в меню, тыча пальцем в какой-то алкогольный коктейль с градиентом, переходящим от светло-жёлтого к тёмно-красному, как самый красивый закат.

Профессор не смотрит в меню – всегда заказывает один и тот же суп. Он ходит во «Вьетнам» подкрепиться – поест горячего и пропотеть. И здесь он показывает пример, как нужно – всегда знать, что ты хочешь. Борис Дмитриевич заказывает суп. Голодные ученики тратят последние деньги на плошку вьетнамского супа и бокал пива по акции.

К супу на плоской деревянной тарелке подают пророщенные семена гороха – на вид невесомые – я чувствую, как они скрипят на зубах, оставляя лёгкий привкус крахмала, – и две сочные дольки лимона. Одним движением Профессор отправляет проростки в суп, другим – выдавливает лимон, одну за одной обе дольки. Кислый сок стреляет мне в лицо и щиплет глаза. Надеюсь, суп достаточно горячий, такой горячий, как умеет быть только суп. Большая глубокая тарелка дымится, глазки блестят. Профессор дует на ложку.

Раньше я с пренебрежением относилась к азиатским кухням: кому придёт в голову запоминать все эти непроизносимые названия? Не отличала тайскую от вьетнамской, японскую от китайской. Фо Бо был для меня просто супом с курицей, а Фо Га – с говядиной. Мастер всегда заказывал суп с курицей, а Борис Дмитриевич – с говядиной. Фо Бо и Фо Га. Мастер и ученик. Они видели разницу, которую я не замечала и ничего не заказывала, только смотрела, как ели другие. Знаете, как едят другие? Скушали, бросили в тарелку смятую салфетку и забыли. Я пожирала глазами и запоминала форму лимонной дольки. Я – выжатое мясо лимона.

Мари, когда за ней стал ухаживать Боря, заказывала свежую маракуйю, запивала свежесжатым манговым соком. До этого я не видела, как подают настоящую маракуйю – только на картинках и на баночках йогурта. Она ела её десертной ложкой и морщилась. Мари многое понимала – никогда не пренебрегала десертом, ни с кем не делилась и выбирала самые дорогие блюда в меню.

Мари была экзотическим капризом за нашим столом. Самая секси-девушка на курсе, да и во всей Школе. Не маракуйя – орхидея, птичка колибри, острая льдинка, редкая жемчужина, электрическая медуза, кровожадная осьминожиха. Она была победным трофеем, который – не приложу ума как – учитель уступил своему ученику. Она и творческий псевдоним взяла соответствующий – Мария Святая. Мы составляли идеальную пару – апогей секса и замухрышка.

Среда – всегда праздник с оттенком культа. К среде я готовилась всю неделю. Семинары были захватывающими, но самое любопытное происходило во «Вьетнаме». Нас там знали и боялись, то есть боялись Профессора. Он есть страх, он есть секс – Альфа и Омега движущей силы прогресса. И как можно не бояться довольного лысого божка, который без труда меняет милость на праведный гнев? Под ударом группа студентов в количестве от шести до тринадцати. Лесбиянок в нашей мастерской не было – зоркий глаз Мастера отличал и отсеивал таковых ещё на этапе поступления. На какое-то время у меня было особое положение. Мастер много шутил, а я должна была смеяться больше и чаще всех. А вот Нюра не смеялась совсем:

– Нюр, а Нюр? С кем ты там переписываешься? Со своим парнем? – спросил он, допив то, что оставалось в бокале.

– Да нет, так, по работе.

– А ну не ври нам! – восклицает он, в шутку ударяя кулаком по столу.

Нюра не врала. Нюра много работала и, пока мы сидели во «Вьетнаме», успевала улаживать какие-то свои дела в телефоне. Или всё-таки врала? В один вечер, когда уже совсем рано темнело, за окном валил снег, привела во «Вьетнам» смущённого парня выше её почти на две головы.

– Молодой человек заплатит, – кивнул на него Профессор, когда официантка принесла общий счёт длиной чуть ли не в полметра.

Глава 2. Рыбки

Лицедейство – родом из Древней Греции – гармонично феминной природе и может, при условии доведения до совершенства, развиваться в серьёзную профессию. Так и вне профессии, следуя актёрскому амплу, фемина может всю жизнь, что хиханьки-хаханьки, проскакать, талантливо изображая маленькую девочку. Мужчине же кривляться до крайности непозволительно.

Профессор Родион Родионович Принцип, из конспекта Со

Я скакала то здесь, то там по зелёным полям и лугам, изображая Кандида в исполнении дивной мадемуазель Марс, давно выросшей из своего амплу, но оставшейся прелестным ребёнком.

Маленькая безмозглая ingénue, она сама его соблазнила.

– Знаешь, ты не одна такая, кто претендует на моё внимание. Есть ещё много желающих, – он загибал пальцы, считая в уме поклонниц.

Зарема с коричневыми без чёрточек глазами волчицы и ястребиным профилем; невероятно высокая немка Грета, она говорила на четырёх языках и, как я слышала, бежала в Россию от мужа – то ли барона, то ли графа – с чемоданом, набитым фамильными драгоценностями, чтобы сделать головокружительную карьеру в балете; Роза, на памяти которой не умер ни один садовник – это только первый круг приближённых, от которого расходится кишачая селёдкой и сельдью сеть любовных токов, включая конфетное ассорти студенток в шуршащих, будто рождественский подарок, обёртках.

Диву даюсь, как у неё получилось поймать такую редкую глубоководную рыбу?

Какие причины заставили знаменитую личность снизить до настолько неизвестной, ничем не примечательной поклонницы? Всё началось с рыбок.

* * *

– Какая ты хорошенькая! Подстриглась? – он ловко с наскока ловит меня в стиге локтя, как сачком бабочку, – и лицо такое чистенькое, без прыщей!

Щека со скрипом отлепляется от лацкана кожаной куртки, а я безбожно вру, отвечая: «Да, подстриглась. Спасибо!» на сомнительный, если подумать, комплимент – отсутствие какого-либо изъяна во внешности не такая уж и заслуга – прыщей у меня никогда не было, да я и не стриглась, но одно полезное умение отточила – не думать. «Что тут полезного?» – спросите вы. Я расскажу, но потом, а пока:

– Ну, пойдём, купим чего-нибудь холодненького, – говорит Профессор.

Слышу, как плавится день и шипит асфальт – под ним пляж. А он пришёл весь в чёрном, как дирижёр или жаждущий отмщения Профессор французской литературы, заявившийся на роковую встречу пристрелить сонного сценариста. Мы встречаемся посреди круглой площади одним прекрасным полднем в начале июля. Завидев нужное здание в лиловых тенях на бульваре, веду нас с каникулярной беспечностью к могучим фигурам – великанам, охраняющим вход в прямоугольный портал с аркой. Дом давно стал кинозвездой, а только что, будто по заклинанию, специально для нас на фасаде нарисовалась вывеска «На прилавке» и незаметно исчезнет, словно вход в таинственную пещеру, как только мы отвернёмся.

Какие сокровища таятся в твоих недрах, Сим-сим? Что можешь ты предложить нам из ассортимента сладких и газированных вод? Под золотой звон парящего над дверью колоколь-

чика мы входим в секретный Сим-сим: он, конечно, Али-Баба, а я, разумеется, Шахерезада, рассказываю сказки:

– А помните в фильме Алексея Германа-старшего эпизод самый страшный – карета «Скорой помощи», двери закрываются, и на них складывается крест. Фильм чёрно-белый, но мы видим – крест точно красный. Снимали тут на углу...

Он не слушает, изучает содержимое холодильника с напитками: пиво «Алтайское», пиво «Сибирское», пиво сякое-растакое, газировка цветная-расцветная, крашенная водичка, соки-нектары в пластиковой таре.

– Хочешь что-нибудь? – спрашивает он, в глазах нетерпение.

– О, вы так щедры, мудрый Али-Баба! – отвечаю я с ласковой осторожностью.

Он хмыкает и достаёт из холодильника охлаждённый чай. Мы двигаемся дальше по сияющей пещере.

– А мороженое?

Я отказываюсь, продолжая гримасничать: складываю руки, закрываю глаза и кланяюсь, перекатываясь с пятки на носок, с носка на пятку.

– Нет-нет, мой господин!

– Скромничаешь? А я хочу, – он откапывает в ледяных залежах другого холодильника вафельный рожок в голубоватом пергаменте.

Днём на кассе, как на ларце с золотом и медяками, сидит грозная пожилая армянка: квадратный подбородок, брови-гусеницы, орлиный нос, из бородавки растёт блестящий чёрный волос, а вечером в лавочку приходят её братья-разбойники, не меньше дюжины. Восток – дело тонкое, а у неё не наблюдалось ни капли чувства юмора, когда Профессор на вопрос «Что-то ещё желаете?» ответил, заигрывая:

– Ну не знаю, девушка, разве что ваш телефончик?

В ответ она почесала бородавку на подбородке, зло зыркнув на нас чёрным глазом, а у меня от счастья защекало в носу.

– Ведьма! – воскликнул Профессор, когда за нами затворился и исчез под хищными ползущими тенями вход в тайную пещеру.

Он захватил-таки мне большую бутылку оранжевой газировки – пусть, как ребёночка, нарочито дурачась, нянчу её в сгибе локтя, плещется в лучах солнца оранжевая жидкость; а себе – бутылку холодного чая и пару банок «Ред Булла», от запаха которого меня слегка подташнивало.

– Как вы это пьёте? – спрашиваю, когда мы направляемся обратно, огибая круг площади, к моему дому.

– Бросишь пить – поймёшь. Я два месяца не пью.

– Ого! – не на шутку удивившись, отвечаю я.

– Только что прошёл медицинский осмотр. Здоров, как бык, – подтверждая свои слова, он делает большой глоток энергетика из банки.

Асфальт источал волны жара, а он смотрел на меня выпученными, с красными прожилками глазами. Его подвижное тело было жилистым, как красное мясо, которое с трудом прожёвываешь, а потом весь день мучаешься, пытаясь высосать из зуба застрявшие насмерть волокна. Крепкое и сухое, совсем не такое крупное и мощное, как у быка, тело, но каменное и румяное, как запечённые в русской печи сушки. Мне представлялось, что оно так же хрустит и царапает мягкое небо, если укусить.

Хруст служил аккомпанементом на наших семинарах – хрустело всё, не только сушки, но кости и черепа, ломаные надежды и хрупкие, будто свежий неокрепший лёд под ногами, амбиции. В перерыве я ставила шуршащий пакет с сушками на стол в центре аудитории, и все угощались. Он радовался и проказничал, как шаловливый ребёнок после представления в цирке

подражает фокуснику – зажмёт сушку глазом на манер круглого пенсне, наденет по одной на каждый палец растопыренной пятерни и удалится со сцены в коридор веселить детишек.

В сушках мне больше всего нравилась их неисчисляемость. В перерывах я представляла, как однажды принесу столько, чтобы он смог соорудить на столе гору, подобно «Апофеозу войны» Верещагина, которую мы видели на выставке в Третьяковской галерее. Но предательские сушки со стуком каменной крошки разбежались, когда он одним быстрым движением рассыпал их прямо по голой столешнице, так что несколько спрыгивали на пол и укатывались под парты по кривой траектории, как колёса поломанной брочки на изрытой выбоинами деревянной дороге.

– А почему вы не пьёте?

– Мне нельзя.

– Почему?

– Так надо. А ты слишком любопытная. Невежливо задавать столько вопросов!

Мороженое он ел, крупно откусывая его твёрдое тело, оставляя следы зубов, как на доисторических окаменелостях. Оно уменьшалось, не успевая таять, и к моменту, когда мы подошли к заветному рукой-подать дворику, осталась самая вкусная часть – уже не мороженое – конус закрученной в спираль вафли, залитый изнутри шоколадом. Уже давно пора острому сахарному рожку исчезнуть в бархатной глубине тёмного рта, уколов нёбо, как острый колпак средневекового мага-звездочёта прокалывал небо, разве что на вафельных клетках я видела звёзды.

Он вертел в пальцах конус, любуясь, поднимал к солнцу крошечный факел.

– Проколю тебе сердце! – сказал он, прищурившись, прицеливаясь острым углом туда, где примерно располагался мой глаз. И тотчас, размахнувшись, отправил в пропасть чёрного рта, после чего последовал резкий хруст.

О, как я жалела, что рожок лишь один. Второй был бы ещё вкуснее, он ел бы чуть медленнее, мгновение длилось, а мы бы так и огибали по часовой стрелке круглую площадь. Но он, в отличие от меня, не заглядывал так далеко – располагал только здесь и сейчас.

Удивительно любопытно, как терпеливо я держалась все десять дней с нашей прошлой встречи на Целовальном озере, а он не подавал знака, что помнит об этом. Но тогда, 27 июня, во Всемирный день рыболовства, мы впервые поцеловались.

* * *

27 июня 2017 года по нашему календарю был ещё один праздник – день итоговых просмотров, он же официальный конец учебного года. Я получила пятёрку по мастерской. И сама же, повинувшись импульсу что-то нарисовать, прибавила плюсики к цифре в виртуальной зачётке у себя в голове.

Серьёзная со средневековым профилем актриса прочитала мою поэму по театральному торжественно и громко. Весь преподавательский состав, сидевший в первом ряду, несколько раз засмеялся по-доброму, как смеются над хорошей шуткой. Самая грустная девочка на курсе, с опущенными, как у Пьеро, уголками губ, умела иногда всех рассмешить, а Профессор крутился на стуле, будто самый юный нетерпеливый ученик, норовя скорей пойти веселиться.

Конечно, ему это простительно, ведь он наши работы слушал уже миллион раз на занятиях, а мне было бы страшно как неловко, если бы он сидел смирно, ведь только стыд за ученика, только недовольство могли заставить его усидеть на месте. А для меня было важно, что он остался (а мог и уйти) до момента, когда аудитория звенела от смеха. Смех – главная похвала и мне, и Мастеру. Смех был разменной монетой в нашей мастерской. Смех и есть волшебство, ради которого затевалось всё предприятие в нашей Школе.

Лето в разгаре. Небо было практически ясно. Солнце жгло макушку. Веснушки у меня на лице приобрели тёмно-коричневый оттенок. Освободившись раньше обычного, в половине второго дня, мы отправились на озеро, которое располагалось в пределах города, отмечать окончание первого курса и совпавший с просмотрами день рождения преподавателя мастерской живописи.

Одним словом – вечеринка, и, как бывало на подобных вечеринках, студенты выступали спонсорами веселья – по пути закупались всем необходимым, в первую очередь алкоголем разной крепости и цвета – красным, белым, прозрачным, жёлтым и коричневым, которого никогда не бывало достаточно, и в разгаре веселья кому-то приходилось, отвлекаясь от товарищей и рассуждений об искусстве, проделывать неблизкий обратный путь до магазина, чтобы веселье не убывало; или вызванивать, зазывать новых людей, которыми оказывались партнёры и партнёрки студентов, или выпускники предыдущих лет, которые всё ещё находились в тусовке, чтобы они пополнили иссушающийся слишком быстро источник. Кроме алкоголя покупали литры цветной газировки, преимущественно кока-колы, выносили из супермаркета воздушные, набитые, как белые облака, пластиковые пакеты с упаковками чипсов, орешков и всем, что ещё промасленного и солёного они едят. Девочки, получившие сегодня оценку ниже, чем рассчитывали, покупали шоколадные батончики и фигурных мармеладных мишек в качестве утешения.

Что-то было в воздухе – не просто дух пятничного веселья, но с самого начала жаркого дня меня терзало чувство, что произойдёт что-то особенное, что-то за гранью, чего раньше не было. Я одновременно боялась этого и предвкушала.

После завершения официальной части просмотров, пережив трепетные несколько минут истинного счастья, я вела себя исключительно тихо и незаметно. Я была невидимкой. Плелась в самом конце шеренги студентов, не понимая толком, куда мы идём, но не всё ли равно? Я иду туда, куда идёт Мастер. А он, размахивая руками, идёт впереди длинной шумной процессии к озеру. Солнце меняло своё положение, а нетерпеливое ожидание дрожало в обжигающем воздухе. Я считала, что только одна я обладаю пониманием того, как странно и невыносимо тяжело жить эту жизнь. А под безжалостно лупящим солнцем – ещё тяжелее.

Мы шли долго, пока не нашлось такое место с деревянным причалом, где могла бы, не привлекая лишнего внимания, поместиться вся наша компания. На переднем плане вода, синее небо и клочья облаков.

Половина студентов сами скручивали сигареты, половина пользовалась жевательной резинкой вместо зубной щётки, но все без исключения, спустя год совместного обучения, из кожи вон лезли, чтобы произвести друг на друга впечатление. Хотели популярности, обожаения, хотели, чтобы все восхищались их гениальностью. А действительно гениальные уходили, не дотянув до конца первого учебного года, и я не в их числе. Я завидовала тем, кому не нужна Школа, чтобы чего-то добиться. Я тоже хотела иметь влияние среди своих, но преимущественно стояла в стороне и слушала, как они, запивая водку пивом, несли всякую чушь об искусстве и социальной несправедливости, а неуверенность в себе называли экзистенциальной тоской. Ругали капитализм, а впоследствии устраивались работать, разумеется, безымянными служащими без определённых задач в госучреждения, но это безусловно лучше, чем сидеть без работы. Это была богемная тусовка. Молодые, красивые и дерзкие люди весело проводят время. Проводили бы, если бы не отповедь Профессора.

– Фотография, рыбная ловля и шахматы – вот три моих развлечения. Вы мне не верите? – он обратился к рассеявшимся на деревянных досках причала, как грачи на жёрдочках, студентам. Его взгляд порхал то тут, то там над их лохматыми головами, пересаживаясь и дёргаясь, будто машинка для стрижки волос.

– Но главное, – продолжил он, – это не литература. Главное – это терпение. Простой заурядный вечер наедине с собой. А вы все хотите, я знаю, и рыбку съесть... и на лошадке

покататься! И я такой, и я хочу всё и сразу! Но иногда нужно терпеть, молчать и ждать, пока и у тебя заклюёт.

Профессор преподавал уже много лет (не счесть) в разных учебных залах: школьных классах, университетских аудиториях, и знал, что на группу, набор, мастерскую (а больше всего ему нравилось, как звучат мастерские) на двадцать одну девочку приходится лишь одна рыбка. Только эта двадцать первая и может трудиться как следует и наслаждаться своим трудом. Терпение лежит в основе любого удовольствия, равно как и всякого рода превосходства.

– Терпение и труд всё перетрут! – крикнул кто-то из студентов, проведя рукой по затылку.

Профессор с вызовом оглянулся, отыскивая смельчака взглядом.

– Проблема вашего поколения в том, что вы стремитесь незамедлительно удовлетворить все плотские желания, – он обвёл взглядом застывшую и обратившуюся к нему с безраздельным вниманием толпу. – Зуб даю, – он сделал паузу, раздумывая, стоит ли продолжать, – вы все слишком быстро кончаете!

Шах и мат. Все молчали, но через секунду раздался громкий всплеск, а затем смех, который оборвал густое, повисшее в воздухе напряжение.

Какова вероятность того, что среди собравшихся выпить и повеселиться молодых людей кто-то может утонуть? Учитывая количество выпитого – большая, но она убывает пропорционально количеству людей, готовых кинуться спасать утопающего. К счастью, никто не утонул, но один – самый молодой первокурсник, скинув мешковатые штаны и трусы, ведомый отчаянием, навеянным проповедью Профессора, прыгнул с причала лишь для того, чтобы отвлечь внимание на себя.

Его вытащили за ворот футболки, которую он не удосужился снять. Теперь он лежал на досках причала и пытался вновь соскользнуть в воду. Мне было всё равно, утонет он или нет. Я, в отличие от собравшихся, умела терпеливо ждать и ждала, наблюдая за безумствами однокурсников, растирая влажные виски, будто лампу Аладдина, из которой должен появиться Джинн и исполнить три моих желания: пусть все они исчезнут, пусть все они утонут, пусть всех их отчислят, пусть Профессор...

О, не догадывалась я тогда, что исполнять желания придётся мне. А они, добродушные и довольные происшествием, кто выжимая после незапланированного купания одежду, кто сложив руки козырьком, заслоняясь от солнца, кто сощурившись, высматривали лодку, идущую с другого берега, – подарок преподавателю живописи на день рождения, – на которой должен был приплыть один из выпускников предыдущего набора и вручить вёсла имениннику. Резиновая лодка приплыла, и первым, кто забрался в неё и отправился в недолгий круиз по озеру, был Профессор. Сидя в лодке, он вскинул руку в победном жесте, крикнул: «Цезарь приветствует вас!» – и уплыл.

Когда он вернулся, лица на причале делано от него отворачивались. Все, кроме меня. Подойдя ко мне, он заслонил солнце. Новенькие босоножки, купленные специально к просмотрам, ковыряли носком щель между досками. Я почесала коленку и встала поудобней. Молча он обнял меня. Мир перевернулся с ног на голову. Что мне делать? Я выискивала подсказки и знаки судьбы, но их не было. Я обняла его в ответ.

Мы слиплись, как хлебные шарики, как монпансье в жестяной коробке, как желток и белок. Короткие острые щетинки кололи мне щёку, как брызги раскалённого масла из закоптелой сковородки, и он шкворчал мне в ухо:

– Муся, поцелуй меня, Мусь!

Я прикоснулась губами к его щеке. Хотела понять, какие ощущения во мне возникают помимо того неловкого чувства, что все на нас смотрят. Счастье?

– Не так, нежнее.

Я повторила поцелуй ближе к уголку его губ, позволив себе дольше задержаться на горячей коже – они уже и так всё видели, а завтра-послезавтра-после-после-завтра увиденное будет

расти в геометрической прогрессии, и можно себе позволить поцеловать его ещё раз, но всё-таки не в губы.

– Так? – шёпотом спросила я.

– В губы, Мусь, поцелуй, – мурлыкал он. Его дыхание опалило моё лицо.

Я не могла ослушаться Профессора, своего Мастера, и губами трогала его сухие губы, как будто здороваясь с ними: «Здравствуйте, дорогие». Кажется, теперь он был доволен, потому что издал протяжное тихое «М-м-м-м» и спрятался лицом в мою шею. Это в самом деле оказалось очень приятно.

Я старалась не придавать происходящему значение большее, чем есть на самом деле, но не могла сдержать слёзы, которые звонко разбивались о рукав его кожаной куртки. Его руки, его рот восхитительны. В обычном свете заурядного дня не было никого в целом мире счастливее меня.

Я бы сама не поверила, расскажи кто мне такое, если бы на руках у меня не имелось свидетельство, магический документ, что особенно грел и придавал смелости моему трусливому сердечку – фотография, на которой мы стоим в обнимку. Хотя я и не видела, кто именно фотографировал, может быть, накачанный бритый парнишка с открытым ртом, похожий на огромного младенца, или пухлый парень в футболке, насквозь промокшей от пота и пива, пролитого и расцветшего на животе тёмным пятном Роршаха, но до слёз благодарна тому пьяному сыщику, который исподтишка сделал нерезкую, в ностальгической дымке, фотографию. На ней не видно моего лица, только макушку и торчащее из взъерошенной шапки волос обезьянье ухо. Профессор обнимает меня, крепко прижав к себе. Одна рука у меня на спине, другая с бутылкой пива обвивает за шею.

В продолжение нескольких вечностей мы стояли так посреди причала, как актёры на сцене, с закрытыми глазами и блаженно-глуповатыми улыбочками на лице под безжалостными лучами ошалевших прожекторов, пока кто-то не разлепил нас и на такси не увёз его с праздника. С такой же глуповатой улыбочкой я отнекивалась и всё отрицала, отвечая на вопросы:

– Ты как, вы чего?

– У вас что, роман?

– Вы встречаетесь?

– Это давно?

В мыслях путаница. Не знаю, будет ли завтра, ничего не знаю. Всё это не имело значения. Я разводила руками и говорила, что между нами ничего нет. Мне даже не пришлось врать, ведь правда – у нас ничего не было. В озере плавали рыбки.

* * *

Он скомкал и беззастенчиво бросил через плечо шарик голубого пергамента. Я метнулась, быстро подобрала его и спрятала в карман.

– Прошу прощения, – сказал он, – не знал, что здесь нельзя мусорить.

– Что вы, что вы, можно! – ответила я поспешно. – Вам всё можно. Я просто хочу его сохранить, на память.

– Издеваешься надо мной, да? – сказал он, и мы засмеялись. Его глаза светились ярко-зелёным.

Мы обогнули круглую площадь. Подошли к железным воротам, за которыми таился сокрытый от посторонних глаз дворик, один из тех, что принято называть одесскими. Я вела его к своему дому, где на тот момент жила уже два счастливых года и хотела верить, что останусь на нём отпечатком, как след от рюмки на деревянной веранде перед входом в квартиру.

Удивительный ряд случайностей и совпадений привёл его сегодня к моему дому. На каникулах студенты мастерской готовились издать небольшую книжку – сборник первых лите-

ратурных опытов, а я добровольно вызвалась заняться вёрсткой, элегантно (я так умею) раскидать по чистым белым листам очерки однокурсников, а затем напечатать и сшить в школьной типографии, куда летом можно проникнуть по предварительной договорённости с деканатом.

Половина страниц предназначалась для студентов, половина – для Профессора. Достоверно неизвестно, писал ли он что-то после издания своего большого труда под названием «Тёмная ночь» много лет назад, а если какие-то тексты и существовали, то было бы невыносимо печатать их в шутовском студенческом альманахе. Но на своей половине книжки он хотел поместить фотографическое приложение с комментариями. Я взялась за вёрстку (sic), а он захотел проконтролировать (sic), для чего мы и пришли сегодня в Подколокло (sic).

Подколокло, он же Переклок, он же Подклоклок, он же Перекло-Подколокло – это мой дом, названный так по имени Подколокольного переулка, на котором располагался.

Дом был в ужасном состоянии, очень старый. Фасад осыпался, то тут, то там проглядывал голый кирпич, что приносило дух античности. За особняк с галереями боролись общины двух христианских церквей – армянская и русская. Первая хотела отвоевать себе место для трапезной, а вторая – для иконописной мастерской. По выходным здесь проходили занятия воскресной школы, и в открытое окно я слышала, как молодые прихожанки разучивали и пели псалмы. Дом окутан легендами, как дореволюционной паутиной. Здесь снимали эпизод ставшего культовым фильма «Брат-2». Здесь жил художник Уточкин-Ивотский, который всю жизнь, сотни раз, рисовал одну и ту же картину – портрет Максима Горького. А перед смертью всё уничтожил. Сам Горький приходил в этот дом, в котором тогда располагались притоны, с актёрами, чтобы они посмотрели на таких несчастных, униженных людей, а потом как можно достовернее сыграли их в пьесе «На дне».

Я влюбилась в дом с первого взгляда и сразу поняла, что буду здесь жить. Сейчас в особняке с галереями ютятся последние в Москве коммунальные квартиры.

– Не хотел бы я здесь жить! – сказал один мой товарищ, когда я привела его, чтобы показать найденное сокровище.

В хорошие времена тут жили молодые художники, писатели, музыканты из провинций – дружили большой компанией, а комнаты передавались в наследство от тех, кто дорос до возможности снимать отдельное жильё. У нас образовалось что-то вроде Сибирской диаспоры – я приехала из Новосибирска, были ребята из Томска, Омска и Барнаула. Я пришла туда – бедная, забитая, одинокая, с болезненным отношением к еде девочка – и выпила предложенный мне с порога тёплый коктейль из водки и ананасового сока. Весьма удачное сочетание, по правде говоря. Закусила забытым кем-то на широком подоконнике огрызком сухого пирожка с вишней из «Макдоналдса». Ничего вкуснее я в жизни не ела. Сразу вспомнились колючие сибирские зимы, когда перед Новым годом мы забирались в чужой подъезд, казавшийся после улицы теплее пуховой перины, отогревались и пили сладкий вермут.

В Подколокло у меня появились друзья. Девочка Рита, которая смешала мне коктейль и стала драгоценным другом, в котором я так нуждалась. Главное, она подарила мне Подколокло, а в нём комнату с красными стенами, которую я заняла после того, как она переехала к своему парню в отдельную квартиру.

Солнце всё ещё ослепительно. Мы поднимаемся по наружной лестнице, которая выводит на маленькую деревянную веранду, нависавшую над двором, как птичье гнездо. Я иду впереди, с бутылкой апельсиновой газировки под мышкой, он следует за мной. Его любопытный взгляд скользит из стороны в сторону, разглядывая двор по мере возвышения над ним.

– И правда, двор, как в Одессе.

– Вы ещё не видели, что там внутри. Только не пугайтесь – это коммунальная квартира.

– Соня, мне уже страшно! – говорит он, когда мы добираемся до верха лестницы и встаём на веранде перед входной дверью, на которой висят три железных ящика с надписью «Почта».

Я открываю. Его силуэт проступает на фоне дверного проёма. Перед нами пространство длинного коридора, заканчивающегося чёрной дырой. Лампа на потолке мигает, освещая скопившийся вдоль стен за многие годы человеческой жизни мусор. Чего там только нет – скрученный, как калека, и напоминающий больше инвалидную коляску велосипед, поломанная старая мебель, вёдра, швабры, тряпки, со стен свисают советские обои, которые рассыпятся в пыль, если прикоснуться. На крючкоподобных вешалках под потолком висят нейлоновые куртки, кожаные плащи, зелёные армейские парки. А внизу горы, горы обуви, раскиданной по углам и у дверей вдоль прохода по длинной галерее.

Он в нерешительности застывает перед ближайшей ко входу дверью. Мы встречаемся глазами, смотрим друг на друга, улыбаемся.

– Какие маленькие ботиночки. У тебя тут что, дети живут? – спрашивает он.

– Ну почти – художники!

– Понятно, художники любят такие места.

Из дверного проёма слева льётся яркий солнечный свет и освещает часть коридора. Это кухня. Под ноги Профессора бросается выскочившая из окна кошка. Дикая и чёрная, как и её хозяйка Мара, в отсутствие которой кошка беспрепятственно входит и выходит через окно. Кошка усаживается под дверью, а мы идём дальше по коридору.

– Моя комната в самом конце, – спокойствие, с которым я это говорю, даёт мне не просто.

Мы проходим три двери, за каждой из которых кто-то живёт. Он идёт медленно, с любопытством озираясь по сторонам, а я быстро, опасаясь невзначай столкнуться с кем-то из соседей и желая поскорее оказаться в безопасности своей комнаты, закрыть дверь, тем самым отделив свой дом от улицы. Несмотря на то, что я вполне освоилась в Подколлокло, коридор, кухня, ванная комната оставались чужим пространством.

Округлые деревянные арки под потолком делят коридор на небольшие отсеки. Первый отсек отделяет небольшое пространство, служившее предбанником перед входной дверью, второй отсек – жилая часть с тремя комнатами, кухней, туалетом и ванной, в третьем, замыкающем галерею сегменте, расположены ещё три комнаты, недружественный альянс которых представляет собой квадрат шире относительно остального пространства коридора, в котором одна комната находится напротив пролёта, две другие по бокам – слева и та, которая справа, – моя.

Массивная арка, обрамляющая этот отсек, препятствует проникновению света из передней части коридора, отчего пара – Профессор и ученица – оказывается во тьме, лишь луч света где-то на уровне солнечного сплетения золотой нитью наискосок разрезает пространство. Это светится в кромешной тьме фигурная замочная скважина. Она была такой, как изображают в детских книжках, когда герой прислоняется глазом и видит пространство за дверью – всё как на ладони, через маленькую щель видно всю комнату.

Перед тем, как достать ключ и открыть дверь, я предлагаю Профессору заглянуть в глазок, то есть скважину, и самому увидеть волшебство огромной камеры-обскуры, ведь он так любит фотографию. Не всегда есть второй шанс: вдруг он больше не придёт или не будет больше таких солнечных деньков. Я тяну его за рукав куртки, чтобы он наклонился и заглянул в скважину. Важен был этот момент, когда он ещё не оказался за дверью, не видел простую, если не сказать бедную, комнату, но мог созерцать её нулевым взглядом, запечатлённой на сетчатке его глаза, как на плёнке, и сохранить себе этот снимок.

– Прекрасно. А теперь давай уже открывай. У тебя ключи-то есть? Это точно твоя комната?

Да, ключ у неё есть, и тем не менее она медлит. Открывая замок, она борется с желанием его расцеловать. Помнит ли он, что произошло на озере? Может, с его точки зрения, и помнить было нечего. А она помнила. Помнила, как кротко целовала его, стесняясь свидетелей, которых хоть и не видела, уткнувшись в его шею, но была уверена, что они смотрят. Две недели,

вплоть до этого момента, строила вокруг происшествия догадки и воздушные замки. Ломала голову, как им снова скорее встретиться, под каким предлогом, как не упустить момент, пока его впечатления ещё свежие. «Когда-нибудь он увидит меня настоящую и полюбит», – твердила она себе. Так и пришлось бы ей ждать начала учебного года, если бы он сам не предложил встретиться. «У тебя, если это удобно», – сказал он.

– Это удобно, – ответила она. Тут же её пронзила вспышка отчаянного оптимизма. Она чувствовала, что должно что-то произойти, и в то же время не хотела, чтобы это происходило.

В красной комнате, несмотря на открытое окно, жарко и душно, как в теплице. Воздух неподвижен. Профессор смело заходит. Из прихожей видна глубь комнаты, где расположилась полуторная кровать, застеленная пёстрым покрывалом.

Я не говорю, что эта комната, снимаемая помесечно, ничем не примечательна, кроме его присутствия в ней. В этой комнате, кроме кровати, шкафа и комода, больше ничего нет, но для меня она – вся жизнь. Я бы хотела написать книгу об этой комнате.

Мгновение он удивлённо разглядывает интерьер, затем восклицает:

– Сицилийские боги! Вот, значит, где ты живёшь?

Он делает паузу, я, заражаясь его удивлением, смотрю на комнату так, будто вижу её впервые.

– Я попал в святая святых – девичью комнату!

Пол плывёт у меня под ногами, как плот, спущенный на воду. Так ли чувствовал себя Одиссей, ступив на корабельную палубу?

– Чувствуйте себя как дома, Родион Родионович.

– Смотри, а то возьму и усну тут у тебя в Кроватии.

– Смотрите, опасно Гулливеру спать в стране Лилипутии.

Комната, как ни странно, тоже имеет деление на сегменты, как настоящая маленькая квартирка – жилая часть отделена от прихожей ковролином, уложенным на деревянный пол. Он не обращает внимания на это очевидное разделение и бросает на ковёр, не развязывая, хватаясь попеременно за задники, чудесные чёрные, с дырочками вокруг кожаных мысков, туфли. Одна туфля встаёт ровно, другая ложится набок. Я тут же присаживаюсь, чтобы бережно поставить их ровно друг к дружке. Там же он небрежно бросает рюкзак и куртку.

Он даёт мне бутылку с чаем, а сам проходит в глубь комнаты, садится на кровать. Я убираю чай и свою оранжевую газировку в морозилку и аккуратно присаживаюсь на краешек кровати так, чтобы не задеть изящный подъём его по-свойски вытянутых на кровати носков.

– Чем же ты тут занимаешься, лилипутка?

Он шумно выдыхает и издаёт смешок, который я не знаю, как толковать: довольный или полный иронии?

– О, чем-то ужасным! – отвечаю я.

– Звучит таинственно, – он улыбается краешком рта.

– Нет, ничего такого, – я смеюсь, но тут же умолкаю. Его лицо неожиданно резко меняется.

– Ну ладно, давайте работать, – сухо говорит он.

– Давайте!

Я встаю с кровати и, взяв со стола включённый ноутбук, сажусь на пол, поджав под себя ноги. Он, оставшись на кровати, чуть перемещается в угол, чтобы видеть экран. Выуживает из-под покрывала подушку и для удобства кладёт под спину.

Зелень ковра колет мне голые ноги. Я открываю на компьютере папку с текстами, присланными одноклассниками. Каждый текст должен поместиться на один разворот, иметь лаконичное название и иллюстрацию. Если текст не соответствует этим требованиям, мы с Родионом Родионовичем будем вынуждены самолично внести необходимые правки, но ребята хорошо постарались, и корректура, помимо исправления опечаток, незначительных грамматических

ческих и пунктуационных ошибок, не понадобилась. Предварительно я всё прочитала и проверила. Иллюстрации меня удивили, я не ожидала от студентов, к способностям которых после года совместного обучения относилась довольно скептически, изобретательности и приписала её своим заслугам, ведь инициатива создания сборника исходила от меня, и это я так ловко, доступно и чётко смогла донести до них свою задумку.

Сейчас от нас требовалось расположить очерки в такой последовательности, где каждый предыдущий текст подчёркивал бы индивидуальность и необычность следующего. Довольно быстро мы с этим справились – я по очереди открывала и читала тексты. Профессор сосредоточенно слушал, периодически издавая звуки. Я знала его регистр: протяжное глубокое мычание означало одобрение; резкий вздох был маркером разочарования, но не настолько серьёзного, чтобы останавливать и что-то менять, молча он как бы говорил «так себе, но поехали дальше»; ещё был такой короткий смешок – его коронное хмыканье, которое расшифровывалось как высшая степень одобрения.

Он допивал вторую банку «Ред Булла», когда я прочитала все тексты. Я сидела на полу и молча смотрела на него. Свой текст – квинтэссенцию из поэмы, представленной мной на прошлых семестровых просмотрах, я собиралась пропустить, чтобы сэкономить драгоценное время Профессора, ведь он его уже слышал, и подозревала, что он поругает меня за выбор простого пути взять уже нечто готовое. Но у меня имелись аргументы в свою защиту – я произвела переосмысление, сделала акцент на иллюстрации, использовала не слишком оригинальный приём рукописного текста – сымитировала ужасающе черновой черновик, который должен передать, какие муки претерпевает поэт в процессе живого сочинительства. Не просто зачёркивания и чёрные лакуны заштрихованных слов, но то, что делает мозг, когда отказывается работать, выкидывает такие невероятные вещи, чтобы запутать, отвлечь. «Ты не хочешь этим заниматься, иди лучше приготовь ещё того потрясающе вкусного растворимого кофе из жестяной банки. У тебя закончилось молоко? Самое время одеться и сходить в магазин, купить хрустящих хлебцев, которыми ты можешь в полном блаженстве полакомиться, идя вдоль пруда по бульвару, присесть на зелёную свежую травку, покормить уток, полюбоваться их блестящими шеями и яркими клювами», – твердит мозг, а я, сопротивляясь, густо заштриховываю все оставшиеся белые области на листе. Штрихую, мараю бумагу, ребро ладони тоже становится чёрным.

– А как же твой текст? – спрашивает он. – Не халтурь.

Шумно вздыхая, я медлю, но не решаюсь спорить, тем более я невероятно ценю малейшее внимание с его стороны. Один его взгляд заставляет моё сердце биться быстрее. Только я открываю рот, он меня перебивает:

– И достань мне чай из холодильника, – он кивком указывает туда, где, по его представлениям, находится холодильник – в тёмном проёме прихожей.

Я использую возможность встать – размять затёкшие от сидения на полу ноги, перевести тело в вертикальное положение и выплеснуть энергию, от которой хотелось скакать по комнате и выполнять любые его просьбы. Когда-нибудь мы сблизимся настолько, что ему не нужно будет говорить ни слова, чтобы я поняла, что он хочет. Во мне пульсирует что-то новое. Может, это то, чего мне так не хватало раньше? Я чувствую себя живой. Я уверена, что он пришёл именно для того, чтобы я могла сделать для него что-то приятное, а чтение, сборник, вёрстка – это всего лишь предлоги.

Я достала бутылку и налила ему чай в высокий стеклянный стакан. Он взял его, поставил себе на грудь, обхватил, скрестив вокруг него пальцы, полный намерения продолжать работать. Но я не села сразу, подошла к комоду, на котором стоял ранее не привлёкший внимания, но очень ценный предмет – сердце комнаты, такой, какой она была только сегодня. Я двумя руками, подражая тому, как он взял свой напиток – скрестив пальцы, – обняла круглый аквариум, встала в центре комнаты, аккуратно поставила его на пол и села рядом. Две резвые

рыбки, переливающиеся лососевой розовиной, отбрасывали золотистые блики, а преломлённые в стекле лучи заставили скакать по стенам солнечных зайчиков. Комната вся вдруг переменялась.

В приступе терпеливого созерцания расступилось всё – вся потёртая разномастная мебель, искусственный чёрно-белый мех подушек и изъеденный мышами ковровин, мышеловки и гантели, полоски рядышком с клетками, бордовое в обнимку с розовым, комод и покосившийся шкаф, стул без одной ножки и табурет, голое без рамы зеркало в неосвещённой прихожей, пустое яйцо белого плафона на потолке, уступая место пузатой линзе, огромному прозрачному глазу – так и хотелось запустить в него (предварительно, дабы не замочить, закатав рукав) жадную пятерню и выловить оранжевый юркий зрачок, положить в рот и сосать солёный леденец, а потом, царапая дёсны, с хрустом разгрызть и проглотить.

В центре красной пустыни сходились лучи золотого сечения, рассеивали свет, являясь радужным, висящим в воздухе миражом, или реальным оазисом, светящимся нежной кровеносной краснотой.

Она, а может, и он окунулись в цвет и увидели танец – хоровод из вещей и предметов. В закрученной по спирали Фибоначчи, как панцирь улитки, центрифуге сходились все лучи, становясь центром движения, танца. Красный мир комнаты ходил ходуном в объективе простого круглого аквариума с двумя золотыми рыбками, обладающими идеальной памятью в четыре секунды.

Вы могли подумать, что где-то уже это видели – и красную комнату, и золотых рыбок. Может быть, на картинах Матисса? Всё верно, она брала Матисса как образец для придания магии месту, куда хотела привести Мастера, месту, где могло произойти нечто волшебное подобно тому, что произошло на Целовальном озере. Всё сложилось: свет, фотография, рыбки, литература и поцелуи. Она надеялась, ждала, жаждала, что он её поцелует. Он следил сонным взглядом за пляшущим на стене лучом света.

– Откуда у тебя рыбки? – он лежал так же неподвижно, наслаждаясь красотой игры света и тени.

– О, это интересная история!

– Ну, рассказывай, – сказал он, приподнимаясь на локте.

– Помните день просмотра? После мы поехали на озеро.

– Помню, конечно.

– Вы тогда рассказывали нам про рыбок.

– Про рыбок... не помню.

– Вы говорили, что мы все слишком поверхностные и нетерпеливые. Говорили о сути труда – умении терпеливо ждать, то есть каждый день работать, работать. А как говорил Ленин: «Учиться, учиться и ещё раз учиться».

– Что ты знаешь о Ленине, малявка? Ты даже пионером не была.

– Но вы были.

– Я был, недолго. Меня исключили.

– За что?

– Ну, так сказать, за неподобающее поведение.

– А что вы сделали?

– Соня, ты очень любопытная. Я уже говорил?

– Говорили. Я поняла, терпеливо ждать...

– Исключили за поправление и надругательство над пионерской символикой. А ты всё запоминаешь, что я говорю?

– Всё! Конечно всё!

– Ты немного сумасшедшая, да? – спросил он.

– Да, полагаю, что да.

Он кивнул, как будто я подтвердила его давнее подозрение.

– Не культивируй в себе сумасшествие. Чокнутых в моей жизни и так достаточно.

– Не буду, обещаю, – сказала я, но он уже как ни в чём не бывало поднял пустой бокал и переменял тему:

– Сонечка, налей мне ещё чая, пожалуйста.

Из моей груди вырвался вздох. У меня отлегло от сердца. Просит пить, значит, не отвергает меня совсем. Вот она, вторая возможность подняться и, может быть, получить поцелуй. Я же не сумасшедшая, что надеюсь на это? Я сделаю всё, чтобы он был счастлив, – так я думала, пока наливала ему чай. Я взяла бокал, наклонилась и подала ему.

– Так вот, продолжая про рыбок. После того вечера, пока шла домой, я думала о том, что вы сказали, и решила на следующий день пойти и купить двух маленьких золотых рыбок, чтобы иметь каждый день перед глазами напоминание о ваших словах.

– Боже! Да ты маньячка! Я начинаю бояться.

– А что такого... зато теперь каждый день смотрю на рыбок и вспоминаю, как важно упорно трудиться.

Рыбки, конечно, были не мои. Я одолжила их на один день, должный стать особенным, у любезной пары, приехавшей мне соседями и друзьями, а взамен обещала присматривать за их аквариумом и цветами во время их отъезда, что не раз делала и раньше.

Я ловлю на себе его взгляд, и, кажется, никто в мире так пристально меня не рассматривал. Тогда я ещё ничего не знала – ни горестей, ни печалей, ни странных, ни стыдных, порой до скрежета зубов ситуаций, в которых буду беспомощно барахтаться под его взглядом.

– Знаешь, как я богат?

– Как? – я встаю и присаживаюсь ближе к нему на краешек кровати. По спине пробегает тоненькая струйка пота, в груди что-то трепещет, словно пленённая птичка.

– Как царь. Как у царя, у меня по венам течёт золото.

– И по ним плавают золотые рыбки?

– Будешь моей рыбкой? Исполнишь три моих желания, золотая рыбка? – он наклоняется ко мне. Я ощущаю, что мы очень-очень близко, так близко, что я чувствую его дыхание.

– Всё, что угодно, Родион Родионович!

Выходит как-то тихо и хрипло, я повторяю эту фразу ещё раз более громко:

– Родион Родионович, всё, что угодно!

– Всё, что угодно, – передразнивает он, – а что ты умеешь?

– Всё!

Он посмотрел на часы на руке, как будто собирался засесть время – запустить таймер маховика желаний.

* * *

– Моё первое желание – пойдём поедим.

– Yes, Sire, – я с готовностью вскакиваю на ноги.

Как невзначай, как вовремя проголодался Профессор! Хорошо поработал, лёжа в поцарски расслабленной позе на диване-кровати, на бархатистом с узором в огурцах покрывале, или вдоволь насмотрелся, как я в платье с узором из красных не-сорвать-яблок, сидя на уровне ниже, привожу архив, который должен стать нашим творением, in ordine alphabetico⁵; или юркие рыбки в аквариуме возбудили его аппетит; или же он услышал, как шевелилось что-то жуткое в моём желудке.

---

⁵ В алфавитном порядке (лат.).

– Mon cher petit пара, знаете, чего бы я хотела на обед? – спрашиваю с обезьяньей жеманностью.

– Ну, говори, – произносит он.

– Большую картошку фри!

Голова идёт кругом. Жизнь приобретает очень насыщенный характер. Вот они уже идут в ресторан. Это их первый, с которого она в дальнейшем начнёт отсчёт, поход в ресторан – не просто «Дача», а Ресторан «Дача». Сегодня они, встретившись на Хитровской площади, уже проходили его, когда возвращались из магазина, где сидела злая армянка, а хитровка Со каждый день проходила мимо него по Хитровской площади хилой походочкой, мимо людей, говоривших на хинди, или это был суахили?

Ей бы и в голову не пришло пригласить его в этот ресторан – он казался слишком закрытым, слишком серьёзным, слишком самобытным – вход только для взрослых. Одним словом, она стеснялась, считала себя, к глубокому сожалению, не доросшей до него, хотя со стороны восхищалась его основательностью. Её не покидало ощущение, что её разоблачат, как замухрышку, пробравшуюся туда, куда ей не следовало. Но сейчас она была в сопровождении важного человека, и никто не посмеет и слова ей сказать. От этой мысли стало намного легче.

У ресторана даже был сад – фруктовые деревья, жасмин, сирень. Его пределы нельзя было объять сразу одним взглядом, там были ещё дворики, возможно, и огород, и грядки с морковкой, тыквой, клубникой, которые можно увидеть, только пройдя в глубь огороженной территории.

К воротам вела каменная лестница с широкими ступенями, которую венчали фонари на длинных железных столбах, составлявшие единый ансамбль с увитой диким виноградом изгородью и воротами. Буквы над аркой вторили растительному орнаменту и выводили – «Дача». Само здание белого камня стояло на пологом холме и возвышалось над улицей и пешеходами. Одним фасадом оно выходило на улицу Воронцово Поле, другим прилегало к Покровскому бульвару, из-за чего его называли «Дача на Покровке», хотя до Покровки, идущей над бульваром, было ещё далеко.

Если читатель замыслит посетить «Дачу», то, пройдя через главные двери, упрётся в ведущую вверх короткую лестницу, поднимется, повернёт направо и увидит ещё одну лестницу. Поднимется по второй лестнице – здесь вас встретит метрдотель, одетый по моде начала прошлого века. Между гардеробом и уборными ведёт вверх ещё одна узкая лестница, вдоль которой висят афиши вечеров Александра Вертинского в баре «Бродячая собака», и, только поднявшись по ней, вы окажетесь на этаже, где обедают гости – всего три больших зала.

Главный зал не просто большой – огромный. Сводчатые потолки, стены с отделкой из грубого красного кирпича – рыцарское, средневековое убранство, светильники-факелы на стенах. В два ряда стоят длинные узкие столы с высокими и на вид жёсткими стульями. Акустика зала заставит вас понизить голос, иначе сказанное чуть громче шёпота грозит разнестись по всему помещению и рухнуть на вас с потолка. Из аскетичного антуража выделяется чёрная гладь плазменных панелей и бутафорские металлические доспехи.

Зелёный зал, несмотря на название, обит тяжёлой сосновой панелью, там же декоратор соорудил специальный, также из сосновой доски, бар в форме подковы. В центре стоит огромный зелёного сукна бильярдный стол. До революции этот зал, возможно, служил нуждам таинственной курительной комнаты, куда удалялись мужчины выкурить сигару после ужина и побеседовать без дам, а меня, маленькую девочку, туда и подавно бы не пустили.

В третий – красный – зал можно попасть, пройдя через главный, из-за чего он казался самым обособленным – его и выбрал Профессор, а я покорно шла следом. В случае красного зала – он полностью оправдал своё название – стены покрашены насыщенно-красным, казавшимся розоватым в послеполуденном освещении.

Там был вырезанный из камня камин, массивные радиоаппараты, старые патефоны. Под потолком парили, подвешенные на тонких верёвочках, голубые и красные бумажные кораблики – хотелось сорвать их и надеть на голову на манер детской матросской шапочки. Пахло влажным звериным мехом и отчего-то – кровью. Со стен смотрели головы мёртвых животных. Мы были единственными зачарованными охотниками, если не считать пожилую пару за столиком у окна.

Мы прошли к большому столу, покрытому золотой парчовой скатертью с цветочным узором. На скатерти – четыре большие плоские тарелки со сложенными салфетками из такой же парчи, что и скатерть, оснащённые приборами. В центре стола – высокая, сужающаяся в пику розовая свеча. Прислонённая к стене и отбрасывающая на неё длинную тень, стояла лампа в красном, с бахромой по краю, абажуре. Не успела я сесть, как на полусогнутых ногах к нам подскочил, словно испуганный олень, официант и звонко шлёпнул на стол меню. На часах было 16:59, что в сумме давало мой возраст. Секунду назад всё казалось таким нормальным, и вдруг что-то в воздухе неуловимо переменялось.

– Что будет моя инженю? – спросил Мастер.

Я сложила руки на коленях и заговорила:

– S'il vous plaît moi ces...⁶

бриллиантовые серьги, кораллы
крабы, кальмары – и карпы
каберне, кальвадос – кекс
кофе, какао, кумыс – квас
кадриль, кармен – карамель
коломбина, Руссо и Пруст
кокосовый хруст
китовый ус
канделябры, кристаллы
на десерт круассаны, кремы
кринолины королевы, коктейли
канарейки и свиристели.

Я выдохнула, стараясь не издать при этом ни звука.

– В каком бульварном листке ты это вычитала? – спросил Профессор со смехом.

Я невинно потупила взгляд в тарелку.

– Я сама сочинила, только что.

– Да неужели? – он хмыкнул.

Он взял меню в тяжёлой кожаной папке. Я сделала то же самое. Ассортимент блюд напечатан трогательным куртуазным шрифтом, что вилял по периметру афиш, написанных рукой Альфонса Мухи. Этот же шрифт я видела в отлитых на чугунных воротах буквах, складывающихся в название ресторана.

– Так, посмотрим, что у них есть? – довольно бурчал себе под нос Мастер.

– Ой, так много всего!

– В хорошее место я тебя привёл?

– Разумеется. Я и не сомневалась.

– Ты голодная?

– Я всегда голодная!

– Ну, тогда выбирай.

---

⁶ Мне, пожалуйста, эти... (фр.)

Это правда. Я была страшно голодной, но есть было невозможно, когда в животе порхают бабочки. В тот день я, как всегда на завтрак, съела один творожок, выпила кофе, потом ещё один творожок и ещё кофе, потом творожки закончились, и я только смотрела, как он с аппетитом ел мороженое и с жадностью пил сладкую водичку. Я сделала в уме пометку впредь иметь в морозилке запас пломбира на случай неожиданного вторжения прекрасного в мой замкнутый мирок.

– Выбрала?

Он дал мне время выбрать, а я потратила его, неотрывно любуясь им, запоминая его мельчайшие черты.

– А вы что будете?

– Я – советский человек, Соня, буду салат «Столичный», котлеты по-киевски и, пожалуй, салат тёплый с языком.

– Два салата? – удивлённо спросила я.

– Да, вообще-то я голодный. Ты же меня не накормила!

Вот чёрт, чёрт, я знала, что нужно было настоять – накормить его дома. У меня были заготовлены бутерброды с красной рыбой, но он, сославшись на жару, отказался.

– Ну, а тебе что?

Я нашла в меню самое лёгкое, что, на мой взгляд, будет безопаснее всего для бабочек.

– Салат с морепродуктами «Норвежский», – говорю я, захлопывая меню.

– И всё, что ли? А десерт?

– Божечки, у них и десерты есть!

– А ты как думала!

– Может, попозже.

– Ну смотри, не стесняйся, я угощаю.

– Благодарю, Профессор.

– Фу, не называй меня так!

– Почему? Вы же Профессор, – спрашиваю я с удивлением.

– Чувствую себя слишком старым.

– Тогда я буду называть вас Мастером.

Официант подходит принять заказ. Мастер берёт на себя инициативу.

– ...а девушке салат этот...

– Норвежский, – подсказываю я.

– Норвежский.

– Что-нибудь ещё? – официант расплывается в любезной улыбке.

– Всё, – говорю я.

– А напитки?

– Пиво. «Жигулёвское» светлое, – отвечает Профессор.

– «Жигулёвского» нет.

– А какое есть?

– «Живое» попробуйте.

– Живое пить как-то страшно, – шутит он.

Официант не находится с ответом, а я заливаюсь смехом.

– Ну давайте ваше «Живое». А тебе, может, вина к рыбе?

– Можно, – отвечаю, заглядывая ему в глаза.

– Девушке бокал белого вина. Или бутылку?

– Бокала хватит, – говорю я.

– Шардоне, совињон блан? – спрашивает официант, и оба смотрят на меня.

– Совињон? – отвечаю неуверенно. Я ещё не знала, можно ли мне пить при Профессоре, но он ведь сам предложил.

– Совиньон, – кивает Профессор.

– Совиньон, – повторяет официант, – можно забрать меню?

– Одно оставьте, – Профессор закрывает свою папку и откладывает.

Когда официант отходит от стола, Профессор достаёт телефон и кому-то звонит.

«Здравствуй, дорогой!

Как у тебя дела?

Да, давно не звонил...

А я тут недалеко от Кривоколенного.

Нет, на Воронцовом Поле в ресторане.

Да, с девушкой.

Нет, со студенткой».

Я заливаюсь краской. Это он что, про меня?

«Свободен сегодня?

Отлично, я зайду попозже».

В смущении я не знаю, чем себя занять, чтобы не подслушивать. Достать телефон, про существование которого я и забыла, кажется невежливым. Я озираюсь по сторонам, рассматривая интерьер зала. Обращаю внимание на заполненный книгами старинный шкаф позади Профессора, где было полное собрание сочинений Толстого, Достоевского и целых три полки занимали бордовые тома Ленина. На другой полке стояли виниловые пластинки в потёртых обложках, коллекция керамических слоников, расставленных полукругом от маленьких по краям к большому по центру. Подперев один из массивных томов, сидел, обхватив колено руками, конечно, не кто иной, как Максим Горький. Радуюсь находке, улыбаюсь.

– Что улыбаешься? – он отрывается от телефона.

– Увидела Максима Горького.

– М-м-м-м...

Видимо, Горький не интересуется его так, как меня – он даже не оглянулся проследить за моим взглядом. Снова погружается в телефон ещё минут на десять. Я продолжаю считать слоников, картины, столы, свечи на столах, салфетки, перечисляю про себя все оттенки красного в этом зале.

– Что они так долго? – замечает он, убирая телефон в карман. – Умираю от голода! – поворачивается на стуле, высматривая официанта. Развернувшись обратно, смотрит на меня так, будто забыл о моём присутствии и только сейчас заметил, что я сижу здесь и смотрю на него.

– Ну что, Соня, рассказывай.

– Что рассказывать?

– Что-нибудь интересное.

– Даже не знаю, что вам будет интересно...

– У тебя парень есть?

Я вспыхиваю, будто спичка, и высматриваю официанта, молясь, чтобы он принёс еду поскорее.

– Нет, нету.

– Нет? – спрашивает, вскинув брови, с нарочито преувеличенным, как мне кажется, удивлением. – Почему?

– Не знаю. Так получилось, – я вижу, что этот ответ его не устраивает, и добавляю: – Мне никто не нравится, – это была почти правда.

– А как же секс?

– Ну... я справляюсь.

– Как справляешься?

В ответ я закрываю лицо руками и качаю головой.

– Ничего не слышу! – жалобно доносится из-под ладоней.

Он хмыкает, но продолжает:

– Не бывает так, чтобы никто не нравился.

Я слышу, как у меня в голове крутятся шестёрки, судорожно соображаю, что ответить. Как перевести тему? Нет, я не хочу менять тему. Бабочки в животе трепещут и взлетают к самому горлу.

– Есть один человек, но я ему не нравлюсь.

– Кто же он? Я его знаю?

На этом, ввергающем в отчаяние вопросе, приходит моё спасение в лице официанта, ставит перед нами тарелки с салатами. Его – подан цельной массой, будто слепленной из детской формочки, с веточкой петрушки сверху. Содержимое моего «Норвежского» художественно разложено по тарелке – на листьях салата покоятся мидии в чёрных раковинах. Профессор отвлекается на еду и, кажется, забывает про свой вопрос. Он задумчиво разворачивает большую парчовую салфетку, проворно берёт приборы и принимается за салат – масса мягко поддаётся вилке.

– Вкусно? – спрашиваю я.

– Обычный оливье, но ничего, вкусно.

Я беру тяжёлую вилку и нож, рассматриваю, раздумывая, с чего начать, мидии в раковинах кажутся неприступными. Начинаю с листочков салата.

– Плохо, что у тебя нет парня, – он отправляет вилку с салатом в рот. – Может, у тебя слишком высокие требования?

– Наверное, вы правы. – «Неужели ему правда интересно», – думаю я.

Он быстро заканчивает с первым салатом, официант приносит горячее и салат из языка.

– Запомни, я всегда прав, – говорит Профессор.

От котлеты поднимается сладкий сливочный пар.

– М-м-м-м, вкусно пахнет, – я снова пытаюсь перевести тему.

– Надо тебе найти кого-нибудь, – говорит он, взявшись за нож.

– Да, Родион Родионович, найдите мне кого-нибудь.

Он смеётся, я смеюсь в ответ и отправляю в рот креветку.

Пожилая пара за другим столом расплачивается и уходит. Мы остаёмся одни. Подходит официант и, хотя было ещё недостаточно темно для романтической атмосферы, зажигает свечу на нашем столе.

Я хочу спросить, есть ли у него девушка, но заранее знаю ответ. Никак не удастся достаточно уловить его настроение, чтобы понять, о чём говорить – его тон то серьёзный, то шуточный, то насмешливый.

– Ты что не ешь? Ешь!

– Я ем! Очень вкусно, спасибо, – отвечаю я и делаю глоток вина.

Из невидимого источника с мягким приглушённым шипением звучит тёплая кубинская мелодия. Я узнаю Siboney в исполнении Конни Фрэнсис. Испанского я не знала, но казалось, что поёт она о каком-то очень нежном и трепетном чувстве. Голос и перкуссии сходят в минорный тон. Следующим про маленького креольчика запекает Вертинский.

– Ты знаешь, что Вертинский – мой любимый музыкант? – спрашивает Профессор.

– Буду знать.

Куда же Вы ушли, мой маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов,
Мой маленький китайский колокольчик,

Капризный, как дитя, как песенка без слов?..⁷

Официант подаёт ему второй бокал пива, я прикасаюсь к вину, стараясь пить как можно медленнее, чтобы не показаться невежливой. В моём понимании можно позволить преподавателю угостить тебя одним бокалом вина после совместно проделанной работы, но второй будет уже указывать на несдержанность и сомнительные мотивы.

В бананово-лимонном Сингапуре, в буре,
Когда у Вас на сердце тишина,
Вы, брови тёмно-синие нахмутив,
Тоскуете одна...

- Ты не ешь! О чём думаешь? – спрашивает он.
- О вас, – отвечаю слишком быстро, не задумываясь.
- Ну и что обо мне?

В банановом и лунном Сингапуре, в буре,
Когда под ветром ломится банан,
Вы грезите всю ночь на желтой шкуре
Под вопли обезьян.⁸

- У вас глаза зелёные.
- Да, я знаю.
- У меня тоже, – я позволяю себе улыбнуться, – зелёные.
- А я в два раза тебя старше.
- Я пытаюсь нащупать тему – спрашиваю про его работу.
- Чем вы будете заниматься в отъезде? – пока он не успел ответить, задаю ещё вопрос: – Сколько городов посетите?
- Ты правда хочешь говорить про работу? – отвечает он, отпивая пиво из бокала. – Я не хочу. Ешь лучше.
- Я опускаю взгляд в тарелку, разглядываю свой салат.
- Никогда не пробовала мидии из ракушек, – говорю я, пытаюсь раскрыть чёрную раковину с помощью ножа и вилки.
- Попробуй.
- Я думаю, что могу позволить себе при нём есть руками и облизывать пальцы. Будет мило. Осторожно, будто живую, беру раковину – на ощупь она твёрдая, холодная и ребристая. Раскрываю чуть приоткрытую ракушку.
- Выдави лимон – так вкуснее, – говорит он и сам берёт с моей тарелки дольку лимона, выдавливает сок на маленький скукоженный комок мяса с тонкими жилками. Нижняя раковина наполняется мутным соком.
- Ну, ешь! – он бросает выжатую дольку в тарелку, берёт плотный квадрат салфетки, вытирает руки.
- Изображая нерешительность, я беру похожую на колыбель со свернувшимся внутри младенцем половинку, подношу ко рту, запрокидываю голову и отправляю в рот нечто мной неведанное.
- Во рту кисло, пахнет речкой.

---

⁷ «Маленький креольчик» – Александр Вертинский.

⁸ «Танго «Магнолия» – Александр Вертинский.

– Очень вкусно, – говорю я, выражая на лице одновременно удивление и детскую радость.

– Бери ещё.

– Одна ваша, – говорю я, пододвигая к нему тарелку.

Он кивает, берёт закрытую раковину, лимон, но не ест – смотрит на меня.

– Странная ты. Не могу понять, о чём ты думаешь. Обычно у меня это отлично получается.

Я делаю глоток вина, стукнув зубами и чуть не откусив кусочек стекла. Его слова наполняют меня радостью, от которой внутри всё натягивается в струнку так, что кажется, будто вот-вот опишешься.

– Это плохо?

– Не знаю. Ты мне скажи.

Время замедляется. Странная – это почти загадочная, таинственная, особенная, девочка с луны, не пробовавшая раньше мидий.

– Я самая простая, – неожиданно для себя отвечаю, и мне действительно кажется, что здесь, рядом с ним, я становлюсь не сложнее мидии, которую только что съела – можно руками открыть ракушку, полить лимонным соком и съесть. Эту операцию он у меня на глазах проделывает в своей тарелке.

– Сколько тебе лет? – спрашивает он – Двадцать?

– Двадцать один, – отвечаю я, наслаждаясь как моментом, так и кусочком маринованного осьминога.

– Молодо выглядишь.

В ответ я улыбаюсь.

– И давно ты тут живёшь?

– В Подколокло? Два года.

– И за два года ты не нашла ничего более... так сказать, приличного?

– Мне здесь нравится, – отвечаю я с опаской.

Всю дорогу я думала, что в Подколокло ему понравилось, но оказывается, что это не так. Я допустила ошибку, но не поняла этого в тот момент. Конечно, ему не понравилось. Как такое вообще кому-то, кроме меня, могло понравиться? Я должна была почувствовать это, когда мы были дома. Чтобы попасть в мою комнату, нужно пройти через весь этот страшный коридор и комнаты общего пользования так, что получается нечто вроде обзорной экскурсии. Он успел увидеть драный линолеум в коридоре, коричневый засаленный потолок на кухне, с которого низко свисает такая же засаленная голая лампочка, колотую на полу в ванной плитку, отсутствие раковины и узкий, заставленный шестью стиральными машинками проход к ванной с краном, шланг от душа без головки, как в тюрьме; почувствовать вонь, доносившуюся из туалета, но вонь там была не самым страшным – липкий, покрытый у основания толстым слоем пыли, подтекающий унитаз стоял на квадратном постаменте, а чтобы спустить воду, нужно залезть рукой в открытый наполненный бочок и потянуть вверх рычаг, а на стене напротив висит нелепая картина – холст, масло, – крупные, грубо написанные лиловые цветы в коричневом горшке.

Я не могла видеть его – он шёл за мной, но представляла, как с его лица с каждым шагом стирается выражение радостной новизны, возникшее на входе, и сменяется узнаванием того давнего, знакомого, что он уже когда-то видел. В том, что я считала богемной экзотикой, он видел чёрную нищету.

В его глазах светились огоньки от предвкушения авантюры, когда мы вошли в мою комнату, но она, как бы я ни старалась превратить её в репродукцию полотен Матисса, расставляя такие безделушки, как аквариум с золотыми рыбками, не оказывается намного лучше всего остального и не оправдывает неудобств коммунальной квартиры, связанных с тем, что, выходя в туалет или на кухню, приходится обуваться – у меня даже не оказалось запасных тапочек для

гостя, которые он мог бы надеть, и, ожидая, когда маленькая комната освободится, встречаться с сомнительного вида, злобно косящимися незнакомцами.

Это малая часть того, что могло вызвать отвращение, но главное, он увидел неравенство между нами – им, уважаемым Профессором, и мной, загнанной буквально в притон, неудачницей. Тогда я этого не заметила, потому что не было места, где бы он не чувствовал себя комфортно, но это не значило, что ему могло понравиться.

– У тебя должен быть запасной план.

– Я подумаю над этим, – нерешительно отвечаю я.

Он залпом допивает пиво и со стуком ставит пустой бокал на стол.

– Красивая ты девка, Соня! Только зашуганная какая-то. Кто тебя так зашугал? – он пристально смотрит на меня, но быстро отворачивается. По его движениям я понимаю, что ответа он не ждёт, и Вертинский завершает свою песню:

В бананово-лимонном Сингапуре, в буре,
Запястьями и кольцами звеня,
Магнолия тропической лазури,
Вы любите меня.

Он уже торопится в другое место, на другую встречу, возможно, в загадочный Кривоколенный, с тем, с кем говорил по телефону.

– Десерт будешь?

– Нет, спасибо, я наелась. Очень вкусный салат.

– Ну тогда пойдём?

– Пойдёмте. Я вас провожу.

Он подзывает официанта, просит нас рассчитать, но, не дожидаясь счёта, просто оставляет деньги на столе. Мы встаём, проделываем весь обратный путь по лестницам, выходим из здания, затем снова огибаем круглую площадь и шагаем к метро.

Одна я возвращаюсь домой. Мне предстоит вернуть рыбок. В стакане с недопитым фруктовым чаем плавают плодовые мушки.

Глава 3. Безумный дневник

Я так боюсь этого человека. Боюсь, что он найдёт другую девочку, которую можно превратить в лягушку.
из дневника Со

Я сидела на кровати с телефоном в руке, оживляла и гасила экран одной кнопкой. Сегодня, вплоть до этой минуты, я забыла обо всём на свете, о том, что у меня была жизнь до Профессора и без Профессора. Скучная жизнь. Я категорически не хотела её больше жить. Сколько раз она шла вразрез с тем, чего я от неё ждала, но теперь она мне казалась безнадежно тусклой и безжизненной. Рука Мастера протянулась ко мне. Эта рука реальна. Скажи мне кто-нибудь тогда, что есть в мире другие живые люди, я бы рассмеялась этому человеку в лицо, но мне нестерпимо хотелось с кем-то поговорить. Мне нужно было с кем-то поговорить.

Очнувшись от сладкого вяжущего гипноза, я вспоминаю, что у меня были друзья, которые знали меня задолго до поступления в Школу. Их было трое, и в сумме мы тесно дружили уже три года. «Они же ничего не знают, – думаю я, – и не должны узнать. Рот на замок».

Как бы мне ни хотелось, но придётся всё-таки жить свою прежнюю жизнь, по крайней мере, какое-то время. Профессор уезжает из города почти на месяц. Он – куратор приёмной кампании для молодых абитуриентов в регионах. Ему предстоит ездить по городам, проводя открытые мастер-классы, рассказывать о преимуществах и достоинствах нашей Школы. В душе поднимается горькое сожаление от одной лишь мысли об этом. Я боюсь, что за это время он забудет, что между нами произошло.

Я созвонилась с Ромой. Нет, я не врала Мастеру, когда говорила, что у меня нет молодого человека (ненавижу слово «парень», оно такое вульгарное) – на кривой отношений мы находились попеременно где-то между серединой и конечной точкой, но, как я идеалистически полагала, оставались близкими друг другу людьми. Мы договорились встретиться в сквере Героев Пограничников – так называл его Рома, а я не знала, верить ему или нет, и не называла его никак.

– Пожалуйста, возьми вина. Побольше! – сказала я ему по телефону.

На улице было уже темно, низко, будто под тяжестью накопленного дневного жара, висело истыканное звёздами чёрное небо. Он сидел на траве, прислонившись к дереву, поставив перед собой ноутбук – лицо подсвечено светом от монитора. Я вздрогнула от узнавания – несколько часов назад я так же сидела на полу красной комнаты. Я выдернула его с работы, и здесь, на траве, он продолжал работать, ожидая меня. Мы предпочитали траву скамейкам, которые были уже заняты чёрными силуэтами, будто грубо вырезанными из бумаги, курившими и гоготавшими во весь голос. Я с размаха плюхнулась рядом с ним на расстеленную для меня куртку. Он рано выходил из дома и всегда брал с собой куртку, чтобы я не замёрзла, если вечером мы встретимся, хотя мы не договаривались о встрече заранее. А может, это он всегда мёрз?

Я была возбуждённая, радостная, стремительная, напористая. Говорила быстро и громко, больше захлёбывалась смехом, чем говорила. Я горела от нетерпения в подробностях рассказать ему, что у меня произошло, что мир мой сделал смертельное сальто, но напустить на это такого тумана, чтобы он ни о чём не догадался, но что-то почувствовал.

Он купил две бутылки красного вина, густого и крепкого.

– Риоха, – сказал он, когда я взяла у него бутылку.

Мне нравилось название, звучащее как страстный вздох – Риоха, но я больше любила белое вино. Я жадно присосалась к горлышку и сделала три больших глотка. Горло обожгло горечью, по подбородку стекла тонкая струйка, я вытерла её тыльной стороной ладони.

Его лицо было бледно-холодным и сосредоточенным. Я не могла спокойно смотреть, как он работает, хотелось взять его за плечи и растормошить, расцеловать в щёки, смачно причмокивая, обхватить за шею и душить в объятии, пока он не начнёт непроизвольно кряхтеть от моего приступа нежности. Мне необходимо было выместить энергию и восторг, вызванные встречей с Профессором. Я закрыла его ноутбук, опрокинулась спиной на траву и расхохоталась так, словно под действием вуду.

Я хотела вечеринку, но не такую, как была на озере. Наши вечеринки были камерными. Мы встречались вчетвером: я, мой Рома, моя Рита и её Артём. Иногда, когда кто-то из нас отлынивал – втроём, но чувствовали, что чего-то не хватает, и всеми силами пытались вернуть потерянный элемент. Иногда к нам кто-то присоединялся, мы принимали, не отталкивали, но это была ещё одна возможность продемонстрировать другому нашу идеальную совместимость. Я всегда больше любила чётные числа. Когда мы вливались в большую компанию, тоже старались не расставаться – я хвостом следовала за Ритой – она была более открыта новому, а Рома и Артём, более сдержанные, и вовсе вставали как вкопанные на месте и, тихо переговариваясь, наблюдали за происходящим.

Я полюбила Риту под песню Ланы Дель Рей *Summertime Sadness* с первого глотка коктейля из водки и ананасового сока, которым она меня угостила, а потом появился Артём, и его я полюбила за то, как он на моих глазах завоёвывал Риту. Однажды он выпрыгнул из окна второго этажа, чтобы догнать её на улице, когда она, как предполагала, незаметно вышла из комнаты и закрыла дверь снаружи на ключ. Мы были четвертинками пазла, идеальной компанией.

Обычно мы пили вино из одной бутылки, шатались по старому центру, сидели у меня в Подколокло, или у Ромы в Лялином переулке, или в съёмной квартире Риты и Артёма на Бауманской – всё было рядом, везде можно было дойти пешком. Наши встречи продолжались с прежней регулярностью, даже когда в моих отношениях с Ромой появилась неопределённость. Ребята смотрели на нас с видом «чем бы влюблённые ни тешились – всё равно помирятся, всё равно будут вместе».

Мальчики любили смотреть футбол, а мы с Ритой любили целоваться, по-настоящему, взасос, страстно. Началось это по моей инициативе. Когда мы, раскрасневшиеся, отрывались друг от друга и, удивлённо моргая, поворачивались к мальчикам, они с хрипом в голосе говорили: «Прекращайте ваши лесбийские игры!» Часто они уходили, оставив нас вдвоём. А мы улыбались и, захлёбываясь смехом, говорили: «А вы-то так не можете!» Бог знает что было у меня в голове (я хотела заставить Рому ревновать к подруге) – я была просто безумно счастлива, так любила нас и наш тесный мирок.

Зимой, собравшись у кого-нибудь дома, мы играли в наклейки – игру, которая моими усилиями стала нашей традицией – я привезла её из Новосибирска, где мы играли в наклейки с именами философов, а теперь писали на бумажках всё подряд – героев кино, актёров, музыкантов, художников, в том числе тех, с кем были знакомы. Потом пьяные, выдохшиеся от смеха, вчетвером засыпали – девочки на кровати, а мальчики на полу. И так каждый раз на протяжении трёх лет.

– Откуда ты такая пришла? – спросил Рома, убирая компьютер в рюкзак.

И я сбивчиво рассказала, чем сегодня занималась, надеясь, если он не спросит, утаить от него некоторые детали.

– А где вы встречались? – спросил он, будто прочитав мои мысли, хотя всё было написано у меня на лице.

– У меня, – ответила я.

– У тебя?

– Да, я разве не сказала?

– Нет, не сказала. Это он предложил?

– Да, – сказала я, и это было правдой.

Он издал протяжное «хм», но не стал дальше расспрашивать. Хорошо, что в темноте он не заметил, как я покраснела. Мы выпили ещё вина, одну бутылку он убрал в рюкзак, а вторую, завинтив пробкой горлышко, засунул в карман куртки, и пошли встречать ребят.

Мы с Ритой опять целовались, страстно и долго, как никогда раньше, будто в последний раз, но тогда я ещё не подозревала, что это действительно будет последний раз. Потом я начала падать. Я падала нарочно, специально, игриво, как Ниагарский водопад, безрассудно, вскидывая руки, обрушивалась вниз, не обращая внимания на то, что находилось у подножия. Но капелька разума в этом была – я падала, стоя рядом с Ромой, чтобы он меня ловил. Он хорошо справлялся, берёт голову, и я отделялась красивыми, расцветающими наутро, будто бабочки на цветах, синяками. Показывала ему сиреневые пятна на бёдрах, хвасталась боевыми трофеями, а он называл меня «воином». Я и была безмозглым воином на поле любовного четырёхугольника.

– А если бы я тебя не поймал? – спрашивал он.

– Но ты же поймал!

– В следующий раз не буду ловить. Пожалуйста, не делай так, – просил он, но думаю, ему нравилась моя забава так же, как и мне.

Я проснулась утром в Подколокло. Кроваво-красные стены, пол и потолок. Мы лежали втроём на кровати – я в центре, Рита с Ромой по краям. Артём уже ушёл на работу. Обычно я спала на животе, уткнувшись лицом в подушку так, что те, кто это видел, боялись, что я задохнусь. Я уснула в уличной одежде, даже не сняв Ромину нейлоновую куртку. Бережно перекатилась через Риту – она спала на спине, – сняла джинсы, бросила куртку на пол и, не заметив ничего странного, кроме дикой головной боли, переделалась в домашнее. Нужно было скорее умыться и почистить зубы – я любила эти моменты тишины, когда все ещё спят, а я просыпаюсь первой. Я всегда просыпалась первой. Я не помнила, как мы оказались дома, но всё было на месте – ключи, раз уж мы внутри, телефон, паспорт, сумка, – всё вроде в порядке, но, когда я, нагнувшись в ванной, чистила зубы, спину обожгла тянущая боль. «Наверное, не очень удачное падение, – подумала я, – не стоит, Соня, больше падать». Когда я вернулась из ванной в комнату, Рома уже проснулся и вертел в руках куртку, что-то на ней рассматривая.

– Это что, кровь? Откуда? – спросил он.

Сзади на куртке запеклось широкое тёмное пятно. Он подошёл ко мне, поднял осторожным движением футболку, оттянул резинку штанов и сделал то, что при мне никогда не делал – грубо выругался матом.

– Не успел.

Я заподозрила, что боль в спине как-то связана с пятном.

– Что не успел?

– Поймать тебя не успел.

События прошлой ночи стали проявляться как на полароидном снимке. Я, запрокинув голову, много смеялась, валялась в траве, болтая ногами в воздухе, танцевала танец Тило Вольфа⁹, много целовалась с Ритой и, кажется, даже с Ромой.

– Ничего, – сказала я, – случались вещи и пострашнее.

– Ты убегала, и я не успел.

Оказывается, я ещё и убегала. Убегала и не рассчитала падение – распласталась на некстати отделанной брусчаткой улице. Значит, мы возвращались домой по Большому Спасоглинищевскому переулку. Это знание, правда, мало что меняло.

Он выругался ещё раз.

– Кажется, тебе надо в больницу.

---

⁹ Тило Вольфф – немецкий музыкант, основатель и лидер группы *Lacrimosa*.

Рита боялась крови, и он на такси отправил её домой, а мы поехали в травмпункт. По пути заблудились, вышли раньше, чем нужно, и ещё долго, бродя пешком по жаре, искали нужный корпус больницы.

Рана была глубокой и рваной – пришлось зашивать. Пусть и под анестезией, но я справилась, не проронив ни звука. Когда дело было сделано, я бесшумно, как тень, выскользнула из кабинета, смотря в пол и сжимая руку в кулак, плотно прихватив зубами большой палец. Он обнял меня за плечи, поцеловал в лоб, и мы пошли домой. На обратном пути он купил мне в зелёном кафе с яблочком два больших стакана кофе с молоком и с шестью порциями сахара. Один я, обжигаясь, жадно выпила, сидя на парапете возле кафе, а второй, приятно остывший, пила маленькими глотками, сидя в нагретом трамвае.

– Красивый шрам будет? – спросила я.

– Красивый. Воин, – ответил Рома.

Весь день я пролежала дома на незаправленной смятой постели, смотрела старые фильмы с Томом Крузом – «Ванильное небо», «Интервью с вампиром», «Магнолия», «Человек дождя» – и грызла маленькие детские печенья в форме зверюшек, лишь изредка вставая и шаркая тапочками, проходила в прихожую, чтобы в свете открытого холодильника напиться холодного молока.

На просмотре, на мой взгляд, шедеврального и незаслуженно забытого фильма Стенли Кубрика «С широко закрытыми глазами» я наконец поняла, что произошло, почему они оба – Рита и Рома – весь день не отвечали на мои сообщения. Это осознание пришло ко мне извне помимо моей собственной воли, оно будто было зашифровано в фильме. И я почувствовала дурноту, поднимающуюся из желудка.

Вечером я страшно напилась. Когда я шлёпала от холодильника обратно в кровать с бокалом, контейнером для порционного льда и запотевшей бутылкой «Шардоне», у меня возникло чувство, что, возможно, я ошиблась в своих догадках, но молчавший телефон и пропущенные звонки подтверждали мои худшие опасения. Я думала поехать к Роме и застать их на месте преступления, но была слишком пьяна и обессилена, чтобы выйти из дома, зашитая рана на спине ныла. Возможно, у меня поднялась температура.

Я одинокий воин. Я вступила в область, где начинались зависть, страдание, ревность. Обида ощущалась остро и болезненно. Поверить в то, что моя лучшая подруга увела моего (пусть и бывшего) молодого человека было невообразимо сложно и при этом просто, как выпить чая.

Но, господи, это был кошмар! Я не переставала пить десять дней. Утратив представление о времени, я просыпалась среди ночи или днём и выползала из квартиры за вином в магазин, который никогда не закрывался. У входной двери выстроился стыдливый рядок пустых бутылок. Собственное тело казалось огромным, распухшим. Раненая, зашитая, в непреходящем опьянении, я, сидя на полу под оконной рамой, представляла их вместе. Так бывает? Только так и бывает. Так произошло и со мной. Глупый случай. Обычная история.

Знаю, я страдаю заслуженно. Я – такая же непутёвая, как они. Я собиралась исчезнуть, когда Профессор полюбит меня, но они меня опередили. Это не делает их поступок в моих глазах менее ужасающим. В душе мы все одинаковы, но они первые всё испортили. Мы провели вместе, спали бок о бок три года. Это она, Рита, привела меня в первый раз в Подколокло. «Вот ворота, – показывала она, – кодовый замок и вход во внутренний двор, и дом, выходящий окнами на низкую узенькую улочку». Я полюбила его особенный скрипучий покой и сутолоку нижнего города. Я слилась с ним, и он утешал меня.

В окно не проникал ни один луч света. Десять дней пребывая в крошечной тьме, я ни с кем толком не разговаривала. Я больше не могла представлять, с чего у них всё началось, и хотела узнать правду. Я пыталась вывести Рому на разговор, беспрестанно снова и снова звонила. «Что может взрасти на кровью удобренной почве?» – спрашивала я у бездушного автоот-

ветчика. Он отвечал знакомым мужским голосом у меня в голове: «Она пришла ко мне ночью». Я кричала в трубку: «Ничего хорошего! Ничего хорошего у вас не получится, слышите?!»

* * *

Это было ещё вчера ночью, а кажется, в другой жизни. Сегодня утром я сижу в школьной типографии. На полках поуже высятся стопки плотной матовой бумаги формата А4, на широких лежат громоздкие листы А3, прислонённые к стене стоят рулоны тонкой бумаги пастельных тонов для широкоформатной печати. Смотрю, как из пасти разгорячённого принтера медленно выползают тёплые влажные листы, покрытые краской глубокого, похожего на водную гладь, чёрного или синего цветов. Размеренное жужжание принтера успокаивает, воздух дышит жаром. Я прихожу сюда с самого утра и сижу до закрытия Школы в десять часов вечера, чтобы успеть напечатать к выставке весь тираж альманаха – девяносто девять экземпляров.

Аккуратными стопками раскладываю по порядку ещё сырые и тяжёлые от краски листы. *Studo* по-итальянски означает «сырой». Так называется первый роман Оливии Лэнг, который я читаю, отвлекаясь от медитативной работы принтера, движущейся слишком медленно. Точнее, перечитываю и вслух проговариваю любимые фрагменты – те, где героиня готовится выйти замуж. Некоторые предложения приводят меня в восторг. Я карандашом подчёркиваю на страницах те места, которые, как мне кажется, смогут заинтересовать Профессора.

Под тяжёлым прессом я, сложив стопкой листы каждого экземпляра, с помощью резака обрезаю белые края по периметру. Затем аккуратно, с лёгким нажимом, чтобы нечаянно не испортить очередной экземпляр, стилусом делаю разметку, где ровно посередине будет проходить сгиб. Налегая всем телом, чтобы пробить и сшить стопку двумя металлическими скобами.

Моим любимым за день был момент, когда на принтере начинала мигать красная лампочка, сигнализирующая о том, что пришло время подзаправиться – в картридже закончилась краска. Нужно нажать на мигающую кнопку, открыть панель крышки принтера и ждать, когда бегунок заскользит по внутреннему механизму и остановится напротив нужного цвета. Я любила брать новенький картридж, ножницами разрезать жёсткую упаковку, сдирать защитную плёнку и помещать новый на место. Раздавался приятный щелчок. Мне приносил удовлетворение этот звук, как простое выполненное дело, напротив которого ставишь галочку в списке дел на день. Но полным блаженства был момент, когда краска в обоих принтерах заканчивалась одновременно. Это была карточная игра, где ты сорвал джекпот.

Однорупники предлагали помощь, но я проделываю всю работу одна, не из скромности или ещё чего-то такого, но чтобы испытать бесполезную гордость с привкусом тщеславия, когда Профессор будет держать в руках новенький отпечатанный экземпляр нашего первого литературно-художественного альманаха «Безумный дневник. ZIN», название для которого придумал он сам.

«Безумный дневник» отсылает одновременно к двум фильмам авторского кинематографа – «Безумному Пьеро» Годара и «Дневнику горничной» Бунюэля по роману Октава Мирбо. Объяснение формальное и подчинено строгой логике – эти фильмы окаймляют год нашего первого обучения в мастерской – Бунюэля мы смотрели на первом семинаре, Годар был последним фильмом. Замкнутый цикл.

Обложку он сделал сам в Подколокло, пока я занималась чужими текстами. Я с восторгом наблюдала, как прямо на месте он придумал замысловатую технологию создания иллюстраций и применил её для обложки. Первым делом он вырвал линованный листок оттенка карамельного латте из блокнота, который я отыскала в столе. Блокнот был девственно чистый – я берегла его, ожидая, когда появятся гениальные мысли, которые я смогу в него записать и которые, к сожалению, приходили ко мне не так часто, как Мастеру. Обложился ручками и

фломастерами, которые я тоже нашла в столе, и попеременно пробуя каждый, принялся рисовать. Сначала он взял чёрную гелевую ручку и размашисто на весь лист в три строчки печатными буквами написал:

БЕЗУМНЫЙ
ДНЕВНИК.
ZIN.

Чёрным фломастером он несколько раз обвёл каждую букву, прокалывая бумагу концом острого стержня, чтобы они приобрели начертание bold. Затем в пару к чёрному взял красный, обвёл каждую и без того жирную букву. Зелёным фломастером добавил лежащую по диагонали зигзагоподобную тень. Когда надпись показалась ему законченной, он сфотографировал её на телефон, открыл картинку и минут пятнадцать безумными фильтрами обрабатывал её в телефоне, всё время подзывая меня и показывая, что получалось.

От меня требовалось поместить готовую иллюстрацию на яркую цифровую подложку – он не хотел явной имитации под старину. «Это пошло», – сказал он, поэтому я сделала ярко-жёлтую абстракцию с чёрными разводами и несколькими розовыми штрихами, чтобы его картинка лучше выделялась, подложила под неё объёмную чёрную тень и скомпоновала всё на листе А4 альбомной ориентации. Так у нас был готов разворот – первая и последняя обложки, выглядящие одним целым.

– Так плохо, что уже хорошо! – любуясь нашей работой, он довольно хмыкнул.

– Безумно! – ответила я.

Внутри под обложкой 18 разворотов, на девяти из которых тексты студентов (всего в мастерской 12 человек, но трое по неизвестным мне причинам, пренебрегая благосклонностью Мастера, увернулись от участия, как я их ни подначивала), на девяти в безумной вёрстке раскиданы фотографии Мастера, которые он, полужёжа на кровати в красной комнате, переслал мне с телефона на почту. Долго, погружаясь в воспоминания, он просматривал снимки. Там были преимущественно селфи, фотографии с вечеринок, отдыха на даче, работы в других городах и случайно подсмотренные сценки, показавшиеся ему стоящими, чтобы сохранить их на фотографии.

Он сам выбирал, какие снимки использовать, какие нет, какие разместить на одном развороте, какие будут маленькими, а какие растянуть на всю страницу. После этой предварительной работы на листах из того же блокнота он от руки делал подписи к фотографиям, которые я потом должна отсканировать и добавить на каждую страницу. Подпись – сухая документация того, что происходит на фото, дата и место.

И лишь одна подпись без даты и места на последней странице выбивалась: «Я не знаю, что вы слышали обо мне, но мне всё равно».

Готовые экземпляры тиража я от руки нумеровала на внутренней стороне задней обложки. Когда дошла до копии № 99, был последний, десятый день моего добровольного заточения. Есть у книжников такая примета, сотый номер не печатался, а девяносто девятый был самым счастливым. Его я и отдам Мастеру.

Я использовала школьный принтер, расходовала краску и бумагу коварно, не только по прямому назначению в учебной работе, но и в своих целях – я напечатала все фотографии, учитывая те, которые не вошли в сборник. Я не могла поверить, каким сокровищем теперь обладаю – личным архивом из телефона Профессора! Дайджест профессорской жизни. Некоторые фотографии, чистое золото, только для меня – я не собиралась ни с кем делиться. Я напечатала их в небольшом карманном формате, вырезала, и у меня получилось нечто наподобие колоды карт.

Из Школы я возвращалась пешком, совершая долгую прогулку под надзором лупоглазой луны и подмигивающих мне, будто в сговоре, звёзд. Проходя мимо кофеен, я улавливала аро-

мат кофе, мне хотелось взять большой стакан сладкого капучино и выпить по дороге домой, но сейчас кофеин был мне не нужен. Я уже тряслась и на романтический лад нервничала.

Волосы пахли статическим электричеством, подушечки пальцев испачканы типографской краской. Я тщательно помыла руки и, сняв с подоконника и поставив на пол горшки с цветами, встала на колени перед окном, освещённым светом фонаря, с ощущением странной боли, идущей от совершённой красоты вечера. Днём нижний город полон шума, а в это время спокоен, улица пуста. Небо драгоценно-синего цвета. Из открытого окна приятно тянет ночным холодком. На широком подоконнике я раскладываю сокровенные снимки, которые не осмелилась рассмотреть в Школе. Есть кадр, где он обнажён по пояс. Видно каждую мышцу. В нём были величие и покой. Я хотела знать, что он делает, о чём думает, приходят ли ему в голову хотя бы мимолётные мысли обо мне. Один он или с кем-то, спит или бодрствует?

Высунувшись из высокого окна, я внезапно не ощущаю себя одинокой. Моё сердце снова бьётся. Настоящий день освобождает меня от нелепой истории с Ритой и Ромой, казавшейся сейчас страшным сном.

Мой второй этаж – это попытка побега и поиск пристанища. Укладываясь спать на огромной кровати, я чувствую себя очень далеко от всего мира, словно на луне.

На протяжении последних двадцати дней, показавшихся вечностью, я, что Ив Кляйн¹⁰, совершаю прыжок в пустоту и с надеждой зависаю в полёте навстречу Профессору. А на двадцать первый день он возвращается.

* * *

Проснулась я рано и медлила вступать в утреннюю жизнь. День начался с запаха рыбы. Я долго не могла обнаружить его источник, пока не поняла, что пахнет от меня самой. Горький запах типографской краски, смешанный с потом.

Я встала. Протёрла глаза от следов сна. Походила из угла в угол по комнате. Налила воду в чайник. Включила. Насыпала две ложки сублимированного кофе. Вода закипела. Гранулы, заваренные кипятком, прилипали к стенкам стакана. Я мешала ложкой, пока они не растворились. Запах рыбы сменился ароматом кофе. На большой стакан добавляю четыре ложки сахара. Разбавляю чёрный напиток молоком, доведя до нужной температуры, и жадно залпом выпиваю. И сразу же проделываю операцию заново – замешиваю вторую порцию. Сегодня день выставки, на которой состоится презентация альманаха «Безумный дневник. Zip». Я очень многого жду от этого дня. Безумства. Волшебства. Чуда.

Я приняла душ и отправилась на долгую прогулку по бульварам, во время которой я придумывала, что скажу Мастеру, о чём мы будем говорить. Я задерживаюсь перед витринами магазинов, но ничего не вижу. На выставку придёт много людей, это меня удручало – я не хотела никого видеть, особенно тех, кто был тогда на озере, но я старалась об этом не думать. На кассире, угрюмом мужчине в оранжевой форменной рубашке, я репетирую смайз – технику улыбки глазами от Тайры Бэнкс, которой она учила своих моделей по-американски (я смотрела все сезоны по утрам в выпускном классе школы и репетировала, улыбаясь телевизору, а теперь нужно было освежить навыки). Он, кажется, даже не посмотрел на меня, выдавая чек. Покупая вино ещё до обеда, я так остро чувствовала, что совершаю преступление при свете дня, что хотелось оправдаться перед равнодушным кассиром, сказать: «Это на вечер. У меня праздник». Я надеялась, вдруг сегодня после открытия Профессор захочет снова зайти в гости, а его будет ждать охлаждённое вино и мороженое в морозилке.

---

¹⁰ Ив Кляйн – французский художник-новатор, одна из наиболее значительных фигур послевоенного искусства. Речь идёт о работе 1960 года *Le Saut dans le vide* («Прыжок в пустоту»). На первой полосе четырёхстраничной газеты художник разместил фотографию, на которой он прыгает из окна второго этажа и повисает в воздухе.

Я прихожу домой. До встречи с Профессором остаётся шесть часов. Репетирую перед зеркалом смех. Мне нравится мой смех, в какой-то мере я горжусь им – всё в нем в меру: не слишком звонкий, но и не глухой, не тихий, но и не слишком громкий. Мне говорили, что я красиво смеюсь, вот только проблема в том, что смеюсь я редко. Меня не заражает чужой смех, как бывает заразна зевота. Просто мне редко бывает по-настоящему смешно. Я смеюсь про себя. Смеюсь над собой, гогочу изнутри.

Иногда я себя не узнаю. Хочу быть такой, какой хотела бы стать, но не стала.

С грустью замечаю, что во мне нет ничего, кроме застенчивости и неподготовленности к жизни. Мне не хватает чего-то, и я страдаю от этого. Если кто-нибудь попросит меня в двух словах себя описать, я, недолго думая, отвечу что-то вроде: «Унылая и печальная». Звучит не очень здорово. «Может быть, вовсе никуда не идти?» – думаю я. Нельзя. Отгоняю эту мысль, как зловерное насекомое.

Моё ранение затянулось, швы сняли, но на копчике остался розовый шрам – не такой красивый, как я предполагала. Мне было неудобно его разглядывать, и я ещё не определила, на очертания какого штата США он похож, а может, и ни на какой вовсе.

В обычные дни я собираюсь очень быстро: душ утром, в полумраке прихожей наношу минимум косметики – немного на щёки и ресницы. Краситься в темноте не комильфо, но я каждый раз об этом забываю. Потом, увидев себя при ярком освещении, стираю рукой полосы на щеках, растушёвываю пальцем пунктирную обводку вокруг глаз. Расчёсываю волосы тоже пальцами – у меня даже расчёски нет. Обувки не больше двух пар на сезон. Я одеваюсь с первой попытки и закидываю в сумку всё необходимое.

В этот раз я собираюсь утомительно долго. Рисую чёрные стрелки – лучше бы я этого не делала. Получается криво и неумело. Пытаюсь смыть, размазываю и злюсь на себя. Впадаю в состояние какой-то сонливости, будто нарезаю круги вокруг несуществующего предмета.

В оставшееся время, вывалив всю одежду из шкафа на кровать, подбираю наряд к новеньким чёрным туфлям с острым носом, которые купила специально для этого случая. Всё не то. Прихожу в полное отчаяние, и от лёгкости после прогулки не остаётся и следа. Спустя не меньше полудюжины переодеваний под крутящуюся на повторе песню Shine bright like a diamond нахожу себя бездумно сидящей на полу. Я ничего не делала, только наблюдала, как шло время. Я не могла привыкнуть к летней одежде – она казалась мне слишком открытой и выставляющей напоказ все недостатки фигуры, поэтому мне не оставалось ничего, как надеть, несмотря на жару, единственный свой костюм – тёмно-синие брюки и пиджак в тонкую белую полоску – и просторную белую рубашку. На талии узлом завязываю широкий кожаный ремень.

Я надеялась, что выгляжу достаточно элегантно и небрежно, но не чересчур. Волосы распущены, в ушах маленькие, будто капли молока, жемчужины. Мой наряд должен был, как я предполагала, вызвать приятное удивление у Профессора.

– Ты сегодня такая серьёзная, – скажет он.

Или даже лучше спросит:

– А что это ты сегодня такая строгая?

Строгий костюм также должен был выделить меня из толпы, одетой по-летнему расслабленно – парни с большими пятнами под мышками, а девушки с голыми ногами, кажущимися болезненно бледными в тёмном помещении, а мне вовсе не будет жарко в конце июля – городская жара надо мной не властна. Конечно, я считала себя лучше, интереснее и умнее других. Но не верьте мне – мне был двадцать один год, меня звали Соня, я была страшно чувствительной и неуверенной в себе, однако полна решимости никому это не показывать. Я отгораживала себя выдумкой от печальной реальности, где я неопытная и, как верно заметил Профессор, зашуганная девочка. Он был прав, какой бы милой я ни была, во что бы ни была одета, успехом у мужчин я никогда не пользовалась. Этим я не хочу сказать, что была непривлекательной. Я

просто была невзрачной. Я не умела и боялась быть заметной. Меня подташнивало от страха. И я уже опаздывала к началу.

На открытие я пришла первой. В костюме было очень жарко. Кроме меня, по пространству галереи слонялись уставшие работники и готовили стоящий посередине круглый стол к фуршету. Лучше бы его вовсе не было – это не тот фуршет, на который рассчитывала я и наверняка все гости, если они вообще придут. Из напитков был только сок в чём-то наподобие прозрачного самовара, а на чёрных металлических подносах, расписанных под хохлому, лежали бублики, горы овсяного печенья, перемешанного с сушками, и мелкие карамельки «Барбарис». Многие приходили на подобные мероприятия только ради бесплатной выпивки, а увидев сок и сушки вместо вина, развернутся и уйдут, что, с одной стороны, было мне даже на руку, но с другой – я не смогу поговорить с Профессором, не выпив предварительно вина для храбрости.

Сборники лежали там, где я их оставила, в картонных коробках в подсобном помещении. Я вынесла коробки и разложила экземпляры по длинному прямоугольному столу внутри галереи и несколько на стойках у входа, сняв с них рекламные буклеты с информацией о проводимых по утрам мастер-классах для детей.

Я ещё немного послонялась туда-сюда по залам, не обращая внимания на фотографии и картины, развешанные на стенах, и вышла на крыльцо покурить. На второй сигарете я увидела приближающуюся толпу людей – среди них был Профессор, он быстро шёл и смеялся, а остальных я не знала. Среди них оказались молодые ребята, с которыми он познакомился во время вступительных консультаций и пригласил их на презентацию.

– Привет! Ты что не заходишь? – бросил он, не посмотрев на меня. Я опешила и даже не успела поздороваться, пока он не вошёл внутрь. Плохое начало. Пропустив всю толпу, я зашла следом, чувствуя, как новые туфли больно натёрли ноги.

Из моих одноклассников, чьи тексты были в сборнике, пришли лишь несколько человек. Они мне объяснили, что другие, вероятно, посчитали, что мероприятие лишь косвенно относится к нам, а главным образом посвящено и организовано студентами мастерской фотографии, чьи работы были развешаны на стенах галереи. Знакомых лиц много, но поговорить было особенно не с кем. Основную массу пришедших составляли абитуриенты.

Меня охватывала застенчивость от такого количества людей, от меня самой и от намерения, которое я не могла точно сформулировать. Мне придётся ещё глубже погрузиться в свои мечтания, чтобы выплыть. А тем временем чуждая мне толпа обступала Профессора со всех сторон, так что я не видела его за спинами.

Через час после официального начала Профессор проводит импровизированную экскурсию. От него исходит вибрация. Мне ещё не доводилось видеть человеческое тело, заключающее в себе столько энергии. Я чувствую слабость и головокружение. Он показывает на стол, на котором, в красиво разложенной мной змейке зинов, образовались лакуны, и коротко рассказывает о концепции альманаха, упомянув о происхождении названия:

– На занятиях мы смотрим хорошие фильмы, авторский кинематограф, или проводим семинары на таких мероприятиях, как сегодня, ходим на выставки ваших коллег.

Все молча его слушают. В воздухе носится что-то тревожное, или мне только кажется. Он стоит от меня так далеко, словно на другом континенте, и я не могу придумать, каким образом преодолеть океан между нами.

– У нас есть прекрасная типография, где можно напечатать большой тираж такой замечательной книги, – он вытягивает шею, словно ищет кого-то среди слушающих, и, заметив, указывает на меня рукой. Меня передёргивает от неожиданности. Все распахнутые с любопытством глаза обращаются ко мне.

– Моя первокурсница, уже второкурсница, Соня, очень талантливая студентка, организовала всю работу по созданию сборника.

– Вы помогли, – мямлю я, ощущая стеснение в груди.

– Можете взять себе экземпляр, – говорит он и протягивает быстро исчезающие книжки заслонившей его толпе.

На этом экскурсия закончилась, и началась неофициальная часть. Фуршет в пространстве, где утром должен состояться мастер-класс по вырезанию человечков из цветной бумаги, не предполагал наличие алкоголя и пьяных студентов – этим он отличался от других вернисажей, которые посещал Профессор, но он был пьян от внимания новых людей, смотрящих на него с восхищением, а я трезва как стёклышко, готовое разлететься от досады и неоправданных ожиданий.

Я рвусь домой, туда, где мне не нужно будет ни с кем разговаривать и изображать веселье. Где я, по крайней мере, могу быть печальна. Я стою в углу, выгадывая удобный момент, чтобы уйти, не попрощавшись – вряд ли он заметит моё отсутствие.

– Ну что, ты слышала, как я тебя представил? – он незаметно подошёл ко мне.

– Слышала. Спасибо.

– Хорошие ребята, – сказал он, указывая на людей, державших под мышкой книжечки с жёлтой обложкой.

– Да, замечательные, – ответила я.

– А ты что нарядилась, как на похороны? И стоишь тут скучаешь? Вроде у нас радостное событие – радоваться надо, – в его глазах светилась насмешка.

– Простите, просто устала немного – две недели не вылезала из Школы, печатала, сшивала, сшивала, печатала.

– Да, спасибо тебе, отлично получилось! – его голос смягчился.

– Не за что, – сказала я, улыбаясь так широко и ласково, как только была способна.

Хотела я ещё что-то сказать, упомянуть нашу встречу в ресторане «Дача», сказать, как он помог, какую потрясающую обложку сделал, но не знала как. Я вдруг забыла все слова, точные выражения, которые были заранее заготовлены. Они то возникали, мерцая, то растворялись, не успей я даже открыть рта.

– Надо ещё напечатать! – сказал он, растягивая губы в улыбке.

– Вы шутите? – я засмеялась.

– Нет, – серьёзным тоном ответил он.

– Ладно! Пойду печатать! – я всё ещё смеялась, но внутренне погружалась в уныние, в котором мне предстоит провести ещё много времени.

Я знала, знала, что буду выглядеть последней дурой, если уйду. Это всё, на что я способна? Примитивная и вымученная шутка? Мне бы хотелось сейчас быть кем-то другим, кем-то поживее, кто мог бы сделать шаг навстречу, может быть, даже обнять его, рассмеявшись и запрокинув голову. Я предсказуемо сдалась. Капитулировала. Самый удобный момент сбежать домой и наконец снять натёршие мозоли туфли.

Глава 4. Земляничная поляна

Маршрут маленькой инженеру змеился в южном направлении, так и сяк, от Дикси Авеню к Дикси Плац, на озеро Дикси Зее, к каменному кругу Дикси Стоун, Диксильбург, штат Западный Диксисипи, Диксиланд, планета Диксоид.

Шёл зигзагами кривых переулков, загибаясь по бульвару, скатывался по крутому проезду в воронку тихой круглой площади со скамейками и упирался в просевший дом – второй этаж незаметно прорастал третьим с глухими окнами, где по легенде располагалась то ли порностудия, то ли бордель, а по ночам упоительно перекачивали по полу огромные металлические шары.

Не выдавая себя, она наблюдает за вами в сторонке, маячит вдали чудесным миражом. А в один солнечный день, когда будет дуть юго-западный ветер, осмелеет, возьмёт вас за руку и проведёт к своему дому, в тесных объятиях которого спрятан глухой камерный дворик.

Вы часто выходили на её станции метро по фиолетовой ветке, поднимались к выходу у красной церкви и ждали друга, чтобы весело провести время: погулять по людному центру, здания становятся меньше – три-четыре этажа, старые фасады; совершить пробег по влекущим зазывным шумом барам, спрятанным в узких переулках, выпить крафтового пива, вишнёвого крика или сухого сидра; посидеть под тенистым размахом громадных шатобриановских деревьев на сливающихся в одну торжественную арию бульварах; выпить кофе в полумраке кофейни, с хрустом укусить приторно-сладкий макарун и посмеяться над тем серьёзным мужчиной в клетчатом пиджаке с цветной крошкой в бороде; или, выстояв очередь, поесть римской пинсы, она же пинца, пиццетта из трёх сортов муки в шапке зелёной руколы, приготовленной чернокудрым Марчелло; вы даже могли забрести в легендарный двор, где снимали сцену из кинофильма «Брат-2», присоединиться к экскурсии «Нетуристическая Москва»; да и мало ли чем ещё интересным заняться в старом городе, кишашем, как сладкие соты осами, китайгородцами и гостями.

Если ваш друг опаздывает, не пройдёт и минуты, как голос бездомного протарабанит вам в ухо: «Господин, я глубоко извиняюсь, но позвольте обратиться с малюсенькой просьбой, не найдётся ли у вас мелочи-с рублей двадцать-с?» Вы отмахнётесь, отшатнётесь от него, как от чумного. Дух отлетит, но будет сквозить и подмигивать вам со ступенек разбитого крыльца безымянного магазина. Он не обидится, ведь это вы гость, а мы у себя дома.

Мы бесцельно нарезаем круги по району, от «Дикси» до «Дикси». Стоим в очереди на кассу – я у вас за спиной, малютка в красном берете, с розовыми щеками и детским лицом; воротник синего старомодного пальто с зашипами на талии оторочен синим мехом. Из-под пальто торчат замшевые ботиночки с атласным мыском, над которым как орден приколот меховой шарик. В руках пакет с жухлыми лимонами, бутылка молока и пригоршня земляничной жвачки.

Вы могли подумать, что я пишу с ошибками, слушаю мрачную музыку, засыпаю с включённым светом и на всём экономлю – штопаю капрон колготок, как учила мама, собственным волосом. Но вы и не догадывались, как плохи мои дела на самом деле.

Я родилась 1 января, в один день с философом Джузеппе Ди Джакомо и самой известной героиней Набокова.

О Джузеппе Ди Джакомо я узнала случайно, блуждая на страницах «Википедии» в категории «Философы Италии». Конечно, академик Ди Джакомо не так известен в России, как его соотечественники – Аквинский, Адорно, Агамбен, но две его работы переведены на русский язык. И, бинго! – напрямую касаются темы моего диплома – взаимоотношения эстетики и литературы.

Конечно, мне понравился седой мужчина в васильковом галстуке, с худым, испещрённым скульптурными морщинами лицом, и я отправилась на встречу от Итальянского института культуры, где он представлял свои, вышедшие на русском языке, книги. На встрече я сначала заскучала: «...образ, на самом деле, это вещь, и вместе с тем не-вещь: это парадокс «реальной нереальности». А потом проснулась от другого, прозвучавшего вслух, парадокса: «Достоевский никогда не был романистом!» Вот это интересная история, которой, если повезёт, я смогу удивить Мастера. Я купила обе книги и побежала читать, чтобы успеть к следующему семинару.

А про Ло... про Ло вы и сами всё знаете.

* * *

Будучи студенткой второго курса, я не искала повод снова увидеться с Профессором и дожидалась начала занятий, надеясь, что к тому моменту, обременённый учебными приготовлениями, он не вспомнит о моём стыдном побеге с выставки.

Занятия мастерской стоят в расписании по средам. Замечательный день – среда, всегда любила среды. К среде ты уже влился в неделю, чувствуешь себя как рыба в воде, плывёшь вверх по течению на волнах предвкушения выходных, ведь ожидание всегда лучше реальности. Выходные я обычно проводила на тройку с минусом – шаталась по бульварам, ела пинсу или сэндвичи, брала там и сям кофе навынос, читала у открытого окна при бледном свете луны. Изредка у меня случались приступы продуктивности, когда я просыпалась ни свет ни заря и выливалась на бумагу, пока не иссякнут. Тетрадь распухла от исписанных страниц. В прошлом году по субботам у нас были пары – мои любимые после семинаров в мастерской – визуальный язык английской поэзии. Их я никогда не прогуливала. После пар я не сразу иду домой, а сначала захожу в супермаркет на Покровке и покупаю творожки и бутылку дешёвого вина. Прихожу домой, съедаю творожки, а потом, когда закат бросит рыжий отсвет в окно, открываю бутылку вина, пью, разбавляя льдом, пока не засыпаю в одежде под пятый сезон «Клана Сопрано» или «Прослушки», мечтая о таком мужчине, как Омар или Тони. Воскресенья были одинаковыми и стирались из памяти. Время до понедельника тянулось медленно. Я старалась спать как можно дольше, чтобы убить время.

Я смотрю на закат. Не уверена, какое сегодня число, но нащупываю приближение сентября по букетам цветов, которые начинают продавать в супермаркетах на кассах и в отделах сезонных товаров. Встав утром у окна и вдохнув холодный воздух, я понимаю, что уже сентябрь. По тротуарам плывут яркие головки гербер, вяленькие хризантемы, грустно-сиреневые гладиолусы, орхидеи и пышные белые капроновые банты, подрагивающие в такт раскачивающимся из стороны в сторону русым косичкам и хвостикам.

Я жду среду. Ужасно странно, что ещё пару месяцев назад среда была бы для меня обычным днём и не было у меня никакой тайны. А в прошлом году в это время я напрасно искала своё имя в списке поступивших – оловянное С, круглое, обтекаемое как яйцо О, выпученные глаза Ф, отрывистый короткий стук чайной ложечки о скорлупу – и-я. София. Но меня в списке не было.

Следуя одному из законов жанра кампусного романа, где героем выступает первый с конца в шеренге аутсайдеров хитроумный искусник, я проникаю на курс контрабандой, как когда-то кружево, антиквариат, вино в колониальном мире, с помощью притворства и особых ухищрений.

– Соня – это Софья или София? – спрашивает Профессор.

Я часто слышала этот вопрос, и его задают не случайно – сколько раз за свою короткую жизнь я встречала Сонь, которые, вдруг увеличившись в росте, со звенящим скрипом самой высокой мерзкой ноты ми в голосе, затягивали:

– Я не Соня, я – Софи-и-и-ия!

Подобное я встречала и среди Маш, которые неизбежно, исключительно, бесповоротно только «Марии» в тональности ми-бемоль мажор (Es-dur).

К моему стыду, такие придирчивые особы портят нашу репутацию, ведь в переводе с греческого София означает мудрость, а не высокомерие, тщеславие, гордыню. Особенно смешно, когда одна Соня вопреки законам солидарности поправляет другую Соню. Я познакомилась с такой жарким июльским полднем по пути на профессорскую дачу.

– Соня, ты какое вино пьёшь – белое, красное? – спрашиваю я.

– Софа. Я Софа. Не Соня, не Софья, не София. Софа, – отвечает она.

Она пила красное.

Я играюсь, отвечая на этот вопрос по-разному. Мне нравится и тёплое круглое Соня, и строгое Софья, и порхающее, словно лёгкая, золотая с чёрным, сладкоголосая иволга (*Oriolus oriolus*) – София.

Имя во мне так гармонично, что я решаю не менять его в книге, а всё остальное могло бы быть и получше. Рост немного повыше, щиколотки потоньше, колени, грудь – всё мне не нравится! Скулы я хочу острые, как мои шутки. Нижняя губа достаточно яркая, и верхнюю хотелось бы под стать, но всё-таки я гордилась болотного цвета глазами и бровями, которые один писатель называл «бархатными», а другой «котиковыми». Я их сдвигала и когда улыбалась, и от старательности, когда корпела над переводом «Энеиды», хоть и более сжатой – до 12 книг – по сравнению с эпосом Гомера, но от этого не менее сложной книгой, и в супермаркете, прокручивая в голове строки из Вергилия, задумывалась у прилавка, какой жирности молоко выбрать.

Я, всё ещё чувствуя, как в голове пульсирует Вергилиев дактилический гекзаметр, где шла речь о вине и женщинах, отвечаю на вопрос Профессора:

– Как вам больше нравится.

– Как мне нравится, – повторяет он и смеётся, – что ж, посмотрим, – он отыскивает на столе, как я догадываюсь по знакомому конверту, мою папку с портфолио.

На большом, но не таком толстом, как мне хотелось бы, крафтовом конверте я написала своё имя детским округлым почерком. Из обязательных документов в нём лежали копия паспорта, диплом о предыдущем образовании и заполненная на четырёх листах анкета. В анкете были стандартные вопросы с информацией об абитуриенте – ФИО, дата рождения, мастерская, в которую вы поступаете, образование, место проживания. И нестандартные, прочитав которые чувствуешь некоторый подвох: есть ли у вас постоянное жильё? Готовы ли вы посещать все дневные занятия? Есть ли у вас постоянный источник заработка? Вы считаете себя стрессоустойчивым? Обязательным является мотивационное письмо в свободной форме, а дальше для разных мастерских требования расходятся – в мою, писательскую, нужно подать вступительное эссе на заданную тему, и последним в списке документов значились «любые творческие работы, которые абитуриент посчитает нужными». Звучит пространно, но на деле всё просто – фотографии приносили фотографии, художники картины и графику, кинематографисты – цифровые носители с видео, скульпторы – объекты, дизайнеры – всякие штучки, а мы – писанину, но все знали, что при отборе приветствовался нестандартный интермедиальный подход, соединяющий в себе несколько техник.

Наша первая встреча произошла на дне открытых дверей. Он опаздывал. Люди собрались в заставленной серыми столами аудитории, но я стояла, прислонившись к стене в коридоре, чтобы увидеть его раньше других. Он прошёл мимо меня, как рок-звезда – быстро, широкими шагами, не глядя по сторонам. Казалось, будто школьные коридоры для него тесны. Загребая руками, он шёл, не замечая людей вокруг. В кожаной куртке, несмотря на летнюю жару, и в узких чёрных джинсах. Его образ в моей голове остался неизменным – бритая голова, тяжёлая цепочка со звездой на шее, лёгкая щетина и глубоко посаженные глаза.

Я увидела его, и всё сразу стало ясно. У меня появилась мечта. Не мечта – цель. Мне казалось, что вплоть до этого момента я ничего не делала всерьёз. В отличие от многих абитуриентов я была лишена тяжёлой нерешительности перед широкими возможностями выбора мастерской: живописи, фотографии, скульптуры, кино, дизайна. И последовательно готовилась в течение нескольких месяцев, хотя тема для вступительного эссе стала известна за месяц до начала приёма документов, но этого было вполне достаточно. У меня всё было готово заранее.

Я отдала свой конверт в руки заведующего приёмной комиссией, явно не ожидавшего такого напора в первый день приёма документов. Он удивлённо проверил наличие всех бумаг. На месте я сняла защитную плёнку с крышки и заклеила конверт. Я редко бывала в чём-то первой, но тогда я первой расписалась в линованной тетради для абитуриентов.

Завершающим этапом вступительных испытаний было личное собеседование с Мастером, и чем ближе оно становилось, тем сильнее я была недовольна своим эссе, ещё большие вопросы вызывало мотивационное письмо – с ним было сложнее всего. Но дело было сделано – я пришла на собеседование. Снова первая, но решила пропустить перед собой несколько человек, пойти четвёртой; четыре – моё счастливое число, но также я хотела посмотреть на лица выходящих, прочитав в них какую-нибудь подсказку – чего ждать и к чему быть готовой. Зрелище предстало не слишком ободряющее. Люди выходили, понурившись, на вопрос «Ну как?» отвечали коротко «Нормально». «Что спрашивает?» – спросил парень, занявший за мной очередь. «Спросил, на что я жить собираюсь». К этому вопросу я была готова.

– Ты работаешь в модном журнале? – обращается ко мне Профессор, делая упор на слове «модном».

– Да.

– Как же ты собираешься работать и учиться?

– Я увольняюсь. С первого сентября, – я выпрямляюсь на стуле.

– Хм.

Я была так уверена, что поступлю, что до объявления списков поступивших уволилась с работы. «С 1 сентября прошу уволить меня по собственному желанию», – написала я в заявлении, радостно положила его на стол начальнице, объявив, что иду учиться. За меня все порадовались и говорили, что в случае чего я всегда могу вернуться. Я работала редактором в маленьком женском журнале. В уютном офисе, до которого ходила пешком, я проработала по графику с 9 до 18, часто задерживаясь, чтобы, когда все уйдут, залезть в холодильник на кухне и по чуть-чуть, чтобы никто не заметил, таскать чужую еду из контейнеров, или распотрошить запас злаковых батончиков, почти три года.

– А на что жить будешь? – он искоса глядит на меня.

– У меня есть накопления, – уверенно отвечаю я.

В редакциях модных журналов, не считая бесплатной еды на кухне, много халявы. Компании присылают свои товары, чтобы мы о них написали. У меня скопилась гора косметики, которую я раздаривала подружкам, но были и регулярные книжные новинки, детские товары, из которых лишь однажды мне приглянулась жёлтая лампа-ночник в форме канарейки Твити. Я не жалела, что ухожу.

Я часто спорила с препрессом, начинающим лысеть молодым парнем Егором, рассказывая о достоинствах антиквы перед гротесками, а он рассказывал мне о преимуществах ипотеки – у него их было уже две. У меня не было ипотеки, поэтому я уходила, накопив небольшую сумму денег и не зная, как на неё проживу, посвящая следующие два года учёбе. Мне там нравилось, и, если бы не моя мечта попасть в мастерскую Профессора, я бы проработала там ещё год до того, как журнал закроется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.